

ФИЛОЛОГИЧНИ НАУКИ

ЕЗИК, РЕЧ, ГЛАСНА КОМУНИКАЦІЯ

Цимбал В. Ю.

Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут»

НЕХРИСТИЯНСЬКІ ЕЛЕМЕНТИ В СУЧАСНІЙ СЕМІОЛОГІЧНІЙ КОМУНИКАЦІЇ

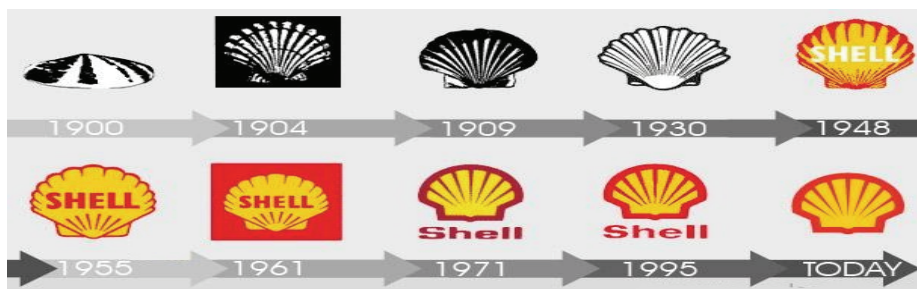
На Русі (в Києві) язичництво було офіційною релігією до введення християнства. Найвідомішими руськими богами були: Сварог, Ярило, Дажбог, Велес (або Волос), Перун, Род та інші [7]. На сьогодні послідовниками язичництва є досить багато людей [13, с. 320–324], також активізується інтерес до інших нехристиянських релігій. Дослідження елементів їхньої символіки в найпопулярніших брендах сучасності допоможе уявити та описати значущість символіки культури для семіологічної комунікації та брендингу. Мета цієї статті – охарактеризувати символічне значення, яким можна наповнити ту чи іншу емблему відповідно до різних систем символів і цінностей та зробити припущення про те, чи свідомо розробники вкладали це значення в емблеми.

Вибір об'єктів дослідження зумовлено такими чинниками: частотністю трапляння в Україні, наявністю елементів нехристиянської культури, часом існування бренду.

Семіологія охоплює кілька наочних сфер: знаки як носії значень; коди, або системи, в які знаки організовані; культура, в рамках якої знаками й кодами оперують. Знак, за Соссюром, є фізичним об'єктом із певним змістом, значенням і має дві складові або характеристики. Перша складова характеризується як визначальна, друга – як та, що означає. Лінгвіст порівнює комунікацію з аркушем паперу. Думка – один його бік, а образ (форма) – другий. Отже, певний символ щось означає і сприймається представниками тієї чи іншої культури. Символ, за Пірсом, може бути представлений тріадою: «репрезентамен» – форма, якої набирає знак; «інтерпретант» – сенс, який породжує знак («розвиненіший» знак); «референт» – зовнішній об'єкт, якого знак стосується. Як зазначає Акайомова, «коди [символів] – це певні інтерпретаційні «правила», що використовуються як виробниками, так і адресатами повідомлення» [1].

Розглянемо семіотику емблем деяких компаній:

•«Shell»(«Шелл») – група енергетичних та нафтохімічних компаній. Щодня послугами мережі АЗС «Shell»(«Шелл») користуються більше 25 млн. клієнтів у 90 країнах світу [3; 5].

Мушля – символ води, жінки, сексуальності й родючості. В індуїзмі вона постає як атрибут Вішну, образ правічного життя, символ першого звуку «му», який передає дихання Бога і ритм Всесвіту. В грецькій міфології стала атрибутом Афродіти, яка, згідно з міфом, народилася з морської мушлі. Натомість у християнстві – уособлення могили [8].

Певно, в емблемі компанії «Shell», раковина стала символом правічного життя, природної чистоти, якості їх продукції. Але деякими людьми, зокрема групою іноземців, цей знак може бути розтлумачений хибно.

•«Nestlé Україна» – швейцарська компанія, один з найбільших у світі виробників продуктів харчування. Також Nestle спеціалізується на виготовленні кормів для домашніх тварин, фармацевтичної продукції й косметики.

[10].

Початковий логотип компанії Nestle, заснованої в 60-х роках XIX ст., мав такий вигляд: гніздо з трьома пташенятами та їхньою матір'ю. Тоді як торговий знак для перших продуктів Анрі Нестле використовував фамільний герб. На той час традиційна сім'я складалася з батьків і трьох дітей. Пізніше, ближче до середини XX ст., традиції змінилися. Тепер у європейському «гнізді» мешкають лише двоє пташенят [12]. Гніздо – в народній традиції наділяється магичними властивостями (забезпечує плідність). Воно символізує також будинок, сім'ю і домашнє вогнище, а в народних піснях – подружжя і шлюбне ложе [6]. Тож в

ЛИНГВИСТИКА

Клочко Л.І., Теренко О.О. Пріоритетні об'єкти висловлювань похвали англомовних чоловіків.....	75
Уразгалиева С.Б., Багдаулет А. Жылкы – жеті қазынаның бірі.....	77
Әбдісүлейменова Р.Ш., Рысқұлбекова К.С. Техникалық мамандықтарда оқитын студенттерге казак тілін оқытудың кейбір өзекті мәселелері.....	80

СЪДЪРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧНИ НАУКИ

ЕЗИК, РЕЧ, ГЛАСНА КОМУНИКАЦИЯ

Цимбал В.Ю. Нехристиянські елементи в сучасній семіологічній комунікації	3
Smagulova S., Esenalieva Zh.Zh., Mansurova Gz.Z. Language in the context of intercultural communication	7
Ломова Е.А. Рецепция поэзии М.Цветаевой в зарубежной славистике.....	11
Абубакирова Г.Н. Қазақ лексикасының кірме сөздер арқылы баюы	15
Красина М.Р. Мотив двойничества в романе В.В.Набокова «Под знаком незаконнорожденных»	18
Биркин А.А., Гушин Ю.Г. Писательская слава и нагрузки декодирования плодов вдохновения мастеров слова	21
Шамарова С.И. Религиозный язык как неотъемлемая часть лингвотеологии	28
Салей Е.В. Особенности адекватных сложных предложений и их роль в развитии умений устной речи	33
Шингарева М.Ю., Чучуладзе М.И. Principles of conversation analysis	36
Шингарева М.Ю., Сарбекова Ж.М. Play with figures of speech.....	40
Шингарева М.Ю., Тазабекова С.М. Halliday's Approach to Discourse Analysis	43
Sarsekeeva N.K. Communicative aspects of interpretation of artistic text	46
Далгатов И.Х. К вопросу о структурно-типологических особенностях сивухского говора каратинского языка	49
Қайыпбаева А. Қазақ және француз тілдеріндегі эмоционалдык бағалау түрлері	52
Жаманбаева А.С., Молдабаева А.А. Туынды сөздің мағыналық даму сипаты.....	55
Каскатаева Ж.А., Мажитаева Ш., Ахметова Б.Б., Бейсенбаева Б.А., Болатбекова А.К. Неміс тіліндегі көк түс атауларының семантикалық мағынасы.....	58

ЕСТЕСТВЕН ЕЗИК И ЛИТЕРАТУРА

Калиева Г.У. Текст архитектуры в литературном произведении.....	63
Абдурахманова Т.И. Мифологический космоантропогенез в романе Ф.Бадалова «Миф» в евразийском контексте	69
Алимбетова Р.В. Живописец невидимого внутреннего мира.....	72

емблемі «Nestle» використано символ домашнього затишку й добробуту для підкреслення користі та якості цієї продукції.

•«Райффайзен Банк Аваль» – універсальний комерційний банк України, який надає послуги фізичним та юридичним особам.

[2].

Символіка коня надзвичайно складна й не до кінця зрозуміла. Його пов'язують з інтелектом, мудрістю, знатністю, світлом, динамічною силою, спритністю, швидкістю думки, плином часу. Це типовий символ родючості, мужності й влади. Також цей образ є давнім знаком циклічного розвитку світу явищ (коні, які виносять Нептуна з тризубом із морської безодні, втілюють космічні сили первісного хаосу). В китайській міфології кінь – Небеса, вогонь, янь, південь, швидкість, завзятість. У шаманському ритуалі й міфології – це передусім перевізник душ і поховальна тварина. Таким чином, кінь символізує як життя, так і смерть (пара коней, білий і чорний, уособлюють життя і смерть) [9]. «Райффайзен Банк Аваль» своїм символом коня «говорить» про динамічність, розум, швидкість прийняття рішень. Та все ж варто бути обережнішими – кінь символізує не лише злагоду та добробут, а ще й потойбічне життя (пара коней – життя і смерть). Тому, можливо, є сенс певним чином модифікувати емблему.

Радіо «Люкс» – всеукраїнська музично-інформаційна радіостанція, одна з найстаріших і найпопулярніших серед україномовних слухачів країни. Радіо «Люкс» транслює сучасну українську та зарубіжну музику, а також якісну музику минулих років.

[11].

Вишня символізує те, що людина народжується в цьому світі голою і такою ж вона відходить у потойбіччя. В китайській культурі – це весняне цвітіння, надія, юність, мужність, жіноча краса й жіноче начало в природі. У японців – процвітання, багатство [4].

Вишня в емблемі радіо «Люкс» має дизайнерське завдання – довершити напис із назвою радіостанції. Вона може бути обрама як давній український оберег – символ здоров'я, злагоди в сім'ї (метафора процвітання компанії протягом років). Вишні на емблемі можна також розшифрувати як витонченість пропонованої музики і високу культуру трансльованого матеріалу.

«Фокстрот» – мережа магазинів побутової техніки.

Лисиця – символ хитрості, довголіття, родючості, лицемірства і розпусти. Руда лисиця – демон вогню в Римі. У Північній Америці – символ обману. В скандинавській міфології лисиця пов'язана з богом хитрості, підступності, обману і непостійності (бог Локи) [14].

Використання цього зображення як емблеми недоцільне. Воно асоціативно створює «Фокстроту» негативний рейтинг. Хоча, як і більшість магазинів електронної техніки, він визначається непоганою якістю товарів та обслуговування.

Як висновок можна сказати, що символи відіграють неабияку роль у комунікації. Проте більшість людей, які використовують ці знаки, не має навіть приблизного уявлення про їхнє першочергове значення.

В рекламі та PR символи поширені як елементи емблем. При цьому треба розуміти, що нерідко знаки використовуються не усвідомлено, а лише як декоративні елементи. Але, як не дивно, асоціативна оцінка товару – явище не поодиноке, тому до дизайну емблем треба ставитися дуже відповідально. Паралельно з цим, споживач має звертатися не тільки до містичних підтекстів, а й до рейтингів підприємств, порад знайомих і власного задоволення/незадоволення якістю тих чи інших товарів та послуг.

1. Акайомова А. Семіологічні підходи в дослідженні масової комунікації : [Електронний ресурс] / А. Акайомова // Віче. – 2011. – № 20. – Режим доступу : <http://www.viche.info/journal/2751/>

2. Банки : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.invest-lvivregion.com/банки_ua_284cms.htm

3. Бензин или Газ со скидкой : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://autoskidki.com.ua/index.php?route=product/product&product_id=93

4. Вишня : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.symbolarium.ru/index.php/Вишня>

5. Географія мережі АЗС «Шелл» в Україні : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.shell.ua/products-services/on-the-road/shell-station-locator.html>

6. Гура А. В. Гнездо [Электронный ресурс] / Гура А. В. – Режим доступа : <http://pagan.ru/slowar/g/gnezdo0.php>

7. Денисюк Н. Основні етичні поняття монотеїстичних та політеїстичних релігій світу, 3 лютого 2012 : [Електронний ресурс] / Денисюк Н. // Християнський духовно-просвітницький часопис «Слово вчителю». – Режим доступу : <http://slovovchitelyu.org/journal/nom19/relihij-svitu/>

салаларында жүрген мамандардың басын біріктіріп, ортақ келісілген терминология құру.

Осы кезге дейін бізге мәлім болып келген техника терминдерінің шығу тегі, жасалу жолдары да түр-түрлі болып келгенін білеміз. Бірқатар терминдер жалпытүркілік негізде жасалса, енді біреулері қазақтың жалпыхалықтық төл лексикасының негізінде, ал бірсыпырасы басқа тілден ауысқан кірме сөздердің терминдік қызмет атқарып қалыптасуынан пайда болды. Осындай пайда болу тәркіні әртүрлі сөздердің де қай-қайсысының термин ретінде қалыптасу жолы, өз тарихы бар.

Сондықтан техника терминдерін бір ізге салудың, оларды қалыптастырудың маңызы зор. Бұл салада істелген біршама жұмыстар да бар.

Әдебиеттер:

1. Шәмшидин Әбдіраман. Жер асты қазу технологиясы. Техникалық жоғары оқу орындары студенттеріне арналған оқулық. – Алматы: Білім, 1999. 240 б.

2. Шәмшидин Әбдіраман. Тау-кен атауларының орысша-қазақша және қазақша-орысша сөздігі. – Алматы: Рауан, 1993.

3. Шәмшидин Әбдіраман. Тау-кен, геологиялық атаулардың орысша-қазақша-ағылшынша және ағылшынша-қазақша-орысша сөздіктері. – Алматы: Рауан, 1997.

4. Қазақша-орысша, орысша-қазақша терминологиялық сөздік. Кен және металлургия. 5000-ға жуық термин. Қазақстан Республикасының Үкіметі жанындағы Мемлекеттік терминология комиссиясы бекіткен. – Алматы: «Рауан», 2000.

Ш.Сарыбаев, Ө.Айтбаев, Ә.Әбдірахманов, С.Исаев, т.б еңбектерінде термин жасаудың принциптері мен шарттары белгіленіп, анықталып салалық термин жасау мәселесі жолға қойылды.

Қазақ тілінің қазіргі қоғамдағы орнын, ролін ескере отырып, оны әрі ұарай жетілдіруіміз үшін? терминология мәселесіне көп көңіл бөлуіміз керек. Осыған байланысты мынандай міндеттерді жүзеге асыруымыз қажет деп есептейміз:

• Салалық терминология мәселесін зерттеудің бірнеше себептері болды. Атап айтқанда ғылыми-техникалық прогрестің талабына сай әрбір өркениетті елдің терминологиясы да заман талабына орай дамуға тиіс.

• Екіншіден, қазақ әдеби жазба тілі – мемлекеттік тілдің негізі болса, терминология мен ғылым тілі оның жон арқасы болуға тиіс.

• Үшіншіден, қазақ тілі терминологиясы әртүрлі жағдайларға байланысты қазіргі кезде үлкен дағдарысқа ұшырап отыр./1.4/. Термин практикасы аяқасты болып, әркімнің өз бетінше термин жасауы барынша орын алып отыр

Демек, қазіргі кезеңде мемлекеттік мәртебелі ана тіліміздің табиғатына сай жаңаша терминология қалыптастырудың принциптерін белгілеу басты мақсат.

Қоғам дамуының жаңа кезеңіне көтерілгенде, халық тұрмысына, ғылымға, салалық өзгерістер енгенде көптеген жаңа атаулар, соны ұғымдар пайда брлып, соған байланысты тілдегі бұрыннан бар сөздердің мағыналары көбейеді немесе мүлдем жаңа сөздер, терминдер туады. Осындай жолмен туындайтын, халық тұрмысына өзгерістер болған сайын жетілдіріп отыруды қажетсінетін терминология саласының бірі – техника терминдері. Бұл саладағы терминдер өте көп және оларды аудару өте күрделі. Себебі кейбір терминдер халықаралық атаулар ретінде аударуға келмейді. Сондықтан оларды біз ешбір өзгеріссіз қолдауымыз шарт. Алайда халықаралық атауларды қазақ тілінің заңдылықтарын ескере отырып, қолдану қажет. Жалпы, ғылыми атауларды адекватты түрде мағынасына қарай қазақ тіліне аудару үлкен мәселе.

Техникалық жоғары оқу орындарында студенттерге қазақ тілін оқытуда тек терминологиялық сөздіктерді пайдалану жеткіліксіз. Тәжірибе көрсеткендей, сабақ барысында студенттерге түсіндірмелі сөздіктер де ауадай қажет болады.

Республикамызда техника мамандарын дайындау ХХ ғасырдың 20-жылдарының аяғында басталды. Демек, сол кезден бастап қазақ мемлекетінде техника саласындағы терминдер қалыптаса бастады.

Ғылым мен мәдениеттің шарықтай өскен заманында басқа терминдер сияқты техника терминдерінің құрамында да көптеген өзгерістер болды. Бұрынғы терминдер құрамындағы бірқатар атаулар ескіріп, оның есесіне жаңа ұғымды білдіретін соны атаулар пайда болды.

Техника терминдері ғылым мен техника, өндіріс салаларының өркендеуімен байланысты қазақша жаңа атауларды қалыптастыруды қажет етеді.

Тілді жаңа терминдермен байытудың ең тиімді де өнімді жолы сол тілдің көрнекті тіл мамандарының басын қосып, қоғам мен кндірістің түрлі

8. Ефанова В. Н. Закомарные раковины, 19.08.2009 : [Электронный ресурс] / Ефанова В. Н. – Режим доступа : http://samlib.ru/e/efanowa_w_n/zakomar_rakoviny.shtml

9. Конь : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/>

10. Кравченко Ю. Nestlé S. A. : [Электронный ресурс] / Кравченко Ю. – Режим доступа : http://www.academia.edu/8908178/Nestlé_S

11. Люкс FM : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://internet-radio.org.ua/ua/radio_lux_ukraine

12. Міфи і легенди всесвітньо відомих брендів : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://факти.com.ua/index.php?newsid=465>

13. Огорокова І. Г. Суспільно-політичні умови та причини поширення рідновірського руху в Україні 1991–2011 рр. / І. Г. Огорокова // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2012. – Вип. 32. – С. 320–324.

14. Тлумачення сну «Підступності» : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dreambook.in.ua/son/pidstupnosti/>

15. Фокстрот : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.foxtrot.com.ua/uk>

16. 20 примеров эволюции логотипа, By administrator, 05.07.2014 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://litenews26.ru/?p=1147>

Smagulova S.

Candidate of Philological Sciences, associate professor

Esenalieva Zh. Zh.

Doctor of philology sciences, professor

Mansurova Gz.Z.

senior teacher

THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

CENTRAL-ASIAN UNIVERSITY (ALMATY)

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGE AND INTERNATIONAL RELATIONS

LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Keywords: *Interlingua communication, linguistic objectification, the process of direct, linguistic picture*

Abstract. The education system is designed to meet the current socio-cultural needs of the individual and society. And one of the most important aspects of this is shown the formation of such personal characteristics as the ability and willingness of intercultural communication for personal and professional social action, and the whole

question of intercultural communicative and professional competence as a factor in the training of professionals.

Throughout the history of human society, people enter the economic, political, cultural and social relations with one another, overcoming all sorts of barriers and, above all, language problems, thus bilingualism, multilingualism and Interlingua impact have been attracting the attention of linguists for fairly long time.

Intercultural competence is formed in the process of intercultural communication that occurs under different laws, rather than communication between members of the same culture always implicitly rely on the well-known to them cultural background. Difficulties and obstacles in communication occurs when the sides start from the premise that the problems to communicate on the basis of a good command of the language system.

Sterlin J.A. defines intercultural communication as «the process of direct interaction between cultures, and the whole process of interaction is a part of unmatched (in part, a significant degree, and sometimes all) of the national stereotypes of behavior as affects the understanding of the parties of the communication» [1, 15].

Among the national-specific components of culture the language takes the first place of importance. Language primarily can contribute the culture is a communication tool as well as means of separation of people. Language – is a sign that the speakers belong to a particular society.

Language as the main specific feature of ethnicity can be viewed from both perspectives: from «inside», then it acts as the main factor of ethnic integration, and from «outside», and in this case it's a main ethno-differentiating feature if ethnicity. Dialectically combining these two opposite functions in itself, the language turns to be a means of self-preserving the ethnic group, as well as means of isolating «us» from «them» [2,25].

By S.G. Ter-Minasova's definition «language is a powerful public tool that generates ethnic group out of stream of people, forming the nation by keeping up and passing on cultural traditions, social awareness of a definite language group of people» [3,35].

To determine the relationship of language and culture scholars introduce the concept of «linguistic identity», which binds as a whole features of speech and language, culture and identity of the speaker, which is defined as a set of multi-language capabilities to the creation of speech works are distinguished: 1) the degree of structural and linguistic complexity 2) the depth and accuracy of reflection of reality, and 3) determine the degree of focus.

The concept of linguistic identity is a synthesis of psychological and linguistic knowledge. The theory of linguistic identity is basically building a generalized image of a native speaker as the object of verbal action.

Detailed analysis of the linguistic identity gives by U.N. Karakulov leading, ordering the list of verbal skills (readiness) to send representatives on the operational concept of filling the linguistic identity. In his view, the structure of linguistic identity is composed of three levels: verbal – semantic (grammatical) thesaurus (cognitive) and

ауылшаруашылығы ғылымының өкілдері және басқа сала ғылымдары да жүйелі түрде шұғылдана бастады.

Атап айтқанда, орысша-қазақша әскери атаулар (Қызылорда 1927), Терминологический словарь (Агыбайұлы, Алма-Ата, 1936), Қазақ тілінің терминдері (Қызылорда 1936), Русско-латино – қазахсий терминологический словарь (Т.2), М.Исламбеков, Алма-Ата, Изд.Ан Каз.ССР, 1960), Краткий русско-казахский словарь литературоведческих терминов (Т.Абетов, Алма-Ата, Изд. Ан Каз.ССР.1962), Русско-казахский краткий словарь лингвистических терминов (С.Кеңесбаев, Т.Жанузақов, Алма-Ата, 1963), Химия терминдерінің орысша-қазақша сөздігі (Б.Бірімжанов, С.Омаров, Алматы, 1969), Орысша-қазақша қоғамдық-саяси терминологиялық сөздік (Алматы, «Қазақстан» баспасы, 1974).Ф. Сапарғалиев Техника терминдерінің түсіндірме сөздігі. (Алматы, 1995), Жарықбаев Қ.Б., Аманова И.Қ. Жантану (психология) терминдерінің орысша-қазақша қысқаша түсіндірме сөздігі. – Алматы, 2004. Орысша-қазақша, қазақша-орысша терминдер мен атаулар сөздігі. Мемтерминком бекіткен. Алматы, 2004. Ф. Қалиев. Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 2005 т.б.

Техника саласы бойынша сөздік құрастырған ғалымдардың бірі – Геология ғылымының ірі маманы, техника ғылымының кандидаты, педагогика ғылымының докторы, профессор. Шәмшидин Әбдіраман. Ол техникалық жоғары оқу орындары студенттеріне арналған оқулық пен терминдік сөздіктерін құрастырған [1,2,3].

Қазақ терминологиясын бұрынғыдан да гөрі түпкілікті етіп қалыптастыру, тілдік тұрғыдан түсінік беру, олардың нәтижесін әртүрлі салаға баянды етіп сіңіру мәселесі өте зор маңыз алып отыр. Осыған байланысты бүгінгі таңда үлкен қажеттілікке айналып отырған терминология мәселесі, оның ішінде техника терминдерінің мәселелері терең зерттеуді қажет етеді.

Қазіргі жаһандану, ғаламдану, әлемдік ауқымдану, яғни жаңа жалпы әлемдік саяси, экономикалық, мәдени және ақпараттық тұтастық құрылу үрдісі заманында ғалымдар қазақ тілінің терминологиясы мәселесіне, оның ішінде салалық термин мәселесіне аса көңіл бөлуі қажет. Себебі күннен күнге қоғамда жаңа мамандықтар мен қызметтер пайда болуда. Соған байланысты, заман талабынан қалыспай, біз қазақ тілін жетілдіріп отыруымыз шарт.

Осы мәселеге арналған түрлі ғылыми зерттеу жұмыстарын жүргізу – бүгінгі күннің зор талабы.

Терминология – үздіксіз дамып келе жатқан ғылым саласы. Оның Қазан төңкерісінен кейінгі жылдарда ілгерілеуіне біршама үлес қосқан, терминологиялық лексиканы зерттеуде және оның қоғам үшін мәнін, маңызын анықтауда А.А.Реформатскийдің, В.В.Виноградовтың, Н.А.Баскаковтың, В.И.Сифоровтың, Р.А.Будаговтың, О.С.Ахманованың, Б.О.Орузбаеваның, М.Ш.Гасымовтың, Т.Бертагаевтың т.б зерттеуші ғалымдардың еңбектерінің мәні зор болды.

Сонымен қатар, түрколог ғалымдар А.Байтұрсынұлы, Қ.Жұбанов, С. Аманжолов, Н.Сауранбаев, С.Бәйішев Ә.Қайдаров, М.Балақаев, Ғ.Мұсабаев,

Әдебиеттер тізімі

1. Жарықбаев К.Б., Қалиев С. Қазақ тәлімінің тарихы. А., 1995 ж.
2. Қалиев С., Оразаев М., Смаилова М. Қазақ халқының салт-дәстүрлері. А., 1995 ж.
3. Көпіш Ә. Төрт түлік. Өнер баспасы. А., 2001 ж.

**П.ғ.к., доцент Әбдісүлейменова Р.Ш.
аға оқытушы Рысқұлбекова К.С.,**

*Қ. Сатпаев атындағы Қазақ ұлттық техникалық университет
Қазақстан Республикасы, Алматы қ.*

ТЕХНИКАЛЫҚ МАМАНДЫҚТАРДА ОҚИТЫН СТУДЕНТТЕРГЕ ҚАЗАҚ ТІЛІН ОҚИТУДЫҢ КЕЙБІР ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Бүгінгі таңда дүниежүзі елдері жаһандану дәуірін бастан кешіріп жатыр. Біз де әлемдік өркениеттің заманауи жетістіктерін өзімізге қабылдай отырып, әлемдік даму жолына түсуге ұмтылыс жасап жатырмыз. Дегенмен, жаһандану дәуірінде де ұлттық рухани құндылықтарымызды қадірлеп, бағалай алуымыз қажет-ақ. Әсіресе, солардың барлығының ең маңыздысы болып саналатын әрі егемен еліміздің мемлекеттік тілі ретінде қазақстандық қоғамды бір мақсатқа ұйытуға тиісті қазақ тілінің мәртебесін көтеру – бүгінгі күннің аса маңызды мәселесі.

Дербес мемлекет ретінде өркениетке қадам басқан Қазақстан Республикасы бұл күндері, өз тәуелсіздігін алғаннан бері, ана тілімізге, оның тағдырына ерекше көңіл бөлуде. Әсіресе, мемлекеттік мәртебеге ие болып отырған қазақ тілінің қоғамдық қызметін жандандыру, қалыптастыру басты мәселеге айналды. Әсіресе қазақ тілінің жастарды оқытып-тәрбиелеуде алатын ролі зор. Соның ішінде техникалық мамандықтарда, сондай-ақ орыстілді аудиторияда оқитын студенттердің жалпы қазақ тілін білуін жетілдіріп қана қоймай, сонымен қатар олардың техникалық терминдердің қазақша баламалары жөнінде білімдерін қалыптастыру маңызды мәнге ие.

Осы орайда қазақ тілінің негізі туралы академик Әбдуәлі Қайдаровтың «Ең алдымен оның тірек болар үш тағаны – жазу-сызуы (ұрпақ арасын жалғастырып алтын көпірі), ономастика (жер бетіндегі ескерткіші), терминологиясы (оның бау, жанару көзі) берік емес екендігін мойындау қажет» деген пікірі орынды айтылған.

Еліміздегі қарқынды қоғамдық әлеуметтік өмір туғызып отырған күнделікті қызметтегі қолданыстың қажеттілігін мынадан көруге болады: Бұрын термин жасау жұмысымен тек лексикографтар мен лексикологтар, шет ел тілдерінің мамандары аудармашылар айналысса, қазіргі ғылым мен техника заманында-логигтар мен математиктер, физиктер, медицина қызметкерлері,

motivational – pragmatic. Each level is characterized by a set of speech elements, which together cover all the language used in the study unit, originally redirecting their specificity, respectively, these levels [4,40]. Linguistic identity – a subject that has a set of properties and enable it to carry out a purely human activity – talk, chat, create oral and written speech products that meet the purpose and conditions of communication, to extract information from texts to perceive speech.

The category of «language person» as applied to the study of foreign languages can be represented as a second language person.

The second language is a set of individual human abilities in foreign language communication at the international level, suggesting an adequate interaction with other cultures. It consists of verbal mastery – a semantic code language being studied, i.e., the «linguistic picture of the world» carriers of the language of «global» (conceptual) view of the world, allowing people to understand his new social reality. The development of the student's secondary features of linguistic identity, making it able to be an effective participant in the international communication and is actually a strategic objective of foreign language instruction. Intercultural competence (as it relates to communicative competence) serves as an indicator of formation of secondary linguistic identity, as the ICC is associated with a picture of the sociocultural world, knowledge of the semantic orientation of another linguistic society, the ability to see the similarities and differences between cultures and communicating in the context of intercultural communication.

The twenty-first century multicultural dialogue is important to the development of multilingual and multicultural linguistic identity, as well as the rationale lingvodi-dactic status of the categories of «multilingual and multicultural» [5,10].

The requirement of the modern realities is creating the multicultural education in the multi-ethnic environment system of the republic of Kazakhstan .

The language goals of modern education system of the republic of Kazakhstan must be reduced to the following stages: multicultural harmony between different linguistic and cultural groups; mastering other language perfectly and enhance professional learning opportunities at the international level.

The changes of the education system will be carefully planning. You must determine what level of competence of the languages we want to achieve from students.

Selection of targets must match the language of policy of the state and should be in solidarity with her. This is – a significant political decision, which, being dependent on the linguistic and cultural policy is one of its major manifestations. Like any long-term solution, the definition of these objectives corresponds of the prevailing cultural and educational situations, aimed of solving the tasks by promoting integration within the country, the country and the facilitate contact and attention from the outside world.

International law has developed a number of principles of language policy:

- the principle of most favored nation treatment to each of the official languages;
- the principle of maximum satisfaction of the language requirement of peoples and minorities;

-the principle of the prohibition on any discrimination language of the national minorities;

– the principle of encouragement of citizens.

The intercultural communication in the multilingual position is one of the most relevant in the context of social reality. The dynamics of social development, socio-cultural nature of the processes determine the actual social requirements of the specifics of the modern process of the intercultural communication.

Today it is known that humanity on the path of development cooperation relationship and interdependence of different countries, peoples and their cultures. The various spheres of public life around the world. The main and sole of interaction is the man who lives for his entering into relationship with others people forming with them a unified society. However, humanity, becoming more interconnected, does not lose the cultural diversity. Differences in language, traditions and worldview are both great value of each culture.

It is obvious that the effective cross-cultural communication can not be about him, it must be targeted to master. The education system is designed of socially relevant of personality characteristics the urgent socio-cultural request of the individual and society. One of the most important aspects of this is shown the formation of such personal characteristics as the ability and willingness to cross-cultural communication of personal and professional social action, and the whole speech of intercultural communicative competence as a factor in the professional training of qualified specialists.

References

1. Sterlin I.A. Communicative behavior in the structure of the national culture // Ethno cultural language awareness. Academy of Sciences. Inst of linguistics. M., 1996.
2. Antipov G.A. Donskikh O.A., Markovina I. IJ. The text as a cultural phenomenon. Birk, 1989.
3. Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication. Moscow, 2002.
4. Karakulov U.N. Russian language and linguistic identity. Moscow, 2002.
5. Mishlanova S.L. Pkrmyakova T.M. Cross-cultural paradigm and perspective of intercultural communication. Material published, stereotyping and creativity in the text. The interuniversity collection Perm, 2000.

Дулат Бабатайұлының «Үйіріңді сұйылып, тай-құнанды қуғансың» деген асыл сөзі осыдан қалған көрінеді. Жылқы малы мен адамның ара-қатынасын білдіретін сөз тіркестері: аттан салды; ат байлар; ат құйрығын кесісті; ат сауырын берді т.б.; ат құлағы теңесті; ат басын тіреді; жылқыға жау тигендей; ат сабылтты; құйрық тістесіп келді т.б. Жылқы малына тән кейбір қимыл-әрекеттерге қатысты сөздер: оқыранды, кісінеді, шұрқырасты, иіскелесті, қасысты, тістесті, жусады, тебісті, үйездеді, оскырынды, үрікті, тулады, тарпыды, шапты, жортты, желіді, аялдады, қарғыды, секірді. Жылқы малын саууға байланысты тіркестер: бүкпе салу (алдыңғы қамшылар жақ аяғын мойын жіпке бүге байлайды); күрде салу (тебеген асау биені сауарда қамшылар жақ не мінер жақ артқы аяғын тірсегінен іліп қояды). Жылқы малын ұстауға, бас білдіруге байланысты тіркестер: бұғалақ (құрық) салу (ұзын арқанның басын тұзақтап, не ұзын құрыққа тұзақ жіпті іліп байлап, мойнына тастайды); қыл бұрау салу (тақымына я үстіңгі ерніне тұзақты жіп салып бұрайды). Жылқы малын жал-құйрығын күзеуге байланысты тіркестер: тай күзеу, құнан күзеу, бордақы күзеу, тайдың құйрық түбінен құндыздың қылын қалдырып, маңдайынан кекіл жалын қалдырып күзейді, құйрығы ұшынан шыбын қағар құйрық қылын қалдырады, құнанның құйрығына тимей тек жалын күзеп, кекіл жалын, кекіл қағарын әрі шоқтығына жақын, мінерде ұстар тұсынан бір топ жалын қалдырып күзейді, ал бордақыны күзегенде тоқалдар күзейді. Жылқы малында болатын түстер: ақ боз ат, боз, алаша ат, шаңқан, қылаң, қызқара, қара құла, сары ат, сұр, қызыл ат, құла, құлакер, баран, құла жирен, бурыл, күрән ат, кер торы, кер ат, торы ат, қара көк, бөрте, тобылғы менді торы ат, ақ құла, қара ат т.б. Қазақтың қанындағы жылқы малына деген махаббаты мен оған деген сүйіспеншілігін философиялық деңгейдегі танымға ұласқан мақал-мәтелдерден де аңғару қиын емес. Мәселен, «жақсы атты тай жағалайды»; «жақсы атқа бір қамшы, жаман атқа мың қамшы»; «жақсы аттың жалын сатқанша, жақсы жігіттің арын сақта»; «жақсы аттың терісі қайыс болар, көн болмас, жақсы адамның баласы ғарып болар, құл болмас»; «жақсы аттың артынан құнан ереді, жақсы жігіттің артынан ұлан ереді»; «жақсы аттың жал-құйрығы, әрі жібек, әрі қыл»; «жақсы аттан жал кетсе де, әл кетпейді»; «жақсы атты күдеріде сына»; «жақсы айғыр бастауық болады, текті айғыр жеңімпаз болады»; «жақсы айғыр үйірін бөріге алдырмас, батыр жігіт ауылын ұрыға алдырмас»; «жақсы айғыр кіндікті келеді, бөкселі айғыр бауырлы келеді»; «жақсы жігіт пен жақсы ат көптікі»; «жақсыда мін жоқ, жүйрікте сын жоқ»; «тай атқа жеткізер, ат мұратқа жеткізер»; «жылқы – малдың патшасы», «ер қанаты – ат» т.б.

Сонымен, халық тарихында әлі күнге дейін жылқы, ат, тұлпар, сәйгүлік ұғымдарының өзіндік ерекшелігі мен орны кең. Көркем әдебиеттің әр үлгісінде де қай ғасырды алсақта та жылқы малы жырланған. Қазақ халқының асыл салтының сапына сарынды самал, қарымды қамал беріп, ұлтымыздың тектілігіне тереңдік, бек тілдігіне кемелдік әкелген тұлпарлар қасиетінің маңызды екені мәлім.

сахатшылары тебірене толғаған. Орта Азия халықтарының ішінде атты алысқа шабуға машықтандыратын қазақтар мен түрікмендер 25-тен 40 верстке (1 верст – 800 м) дейін ат шабысын ұйымдастырған. Әулиеата қазақтары қашықтығы 100 верстік бәйге ұйымдастырып отырған. Жылқы малы тұқымына, жүріс тұрқына, т.б. қарай бірнеше түрге бөлінеді: арғымақ, жабы, тобышақ, екі түкей, текежаумыт, бедеу ат, қазақы ат, қарабайыр. Сонымен қоса, қазақ ауыз әдебиетінде көбіне «жүйрік», «тұлпар» дегеннің баламасы болып келген «пырақ» мифтік аңыздарда ұшатын ат, қанатты ат болып бейнеленген. Жылқы малының еркегін мініске, ұзақ жолға, жортуылға берік болу үшін көбіне ақтатып, ақта қылып қояды. Ертеден мыңқырылған малы бар көшпенді халқымыз құмырсқаның илеуіндей болған жылқы табынынан ерен жүйрік, сәйгүлікті таңдап, сұрыптаудың жолын бек тапқан. Бабаларымыз жүйрікті күдір, төңірек, мұзбүйрек, қызбел т.с.с түрлерге бөлген. Сәйгүлікті саралаудың бұл үрдісі бүгінгі таңда Монғолия қазақтарында әлі қолданылып келеді.

Күдір – бап талғамайтын, кез-келген жағдайда, алыс-жақын, өр-еңіс демей шабатын тұлпар тобы. Ерекше белгісі: алды-артының биіктігі мен төрт аяғының тұяқ көлемі бірдей, қабырғалы, ат азудың арасы алыс келеді. Төңірек – белгілі бір өзіндік бапталған межесінде шабады. Басты ерекшелігі: шоктығы биік, төсі мен танауының тесігі өзге жылқылардан кең, басы етсіз болады. Мұзбүйрек – кез келген жағдайға шабатын, болдырмайтын тұлпар тобына жатады. Ерекше белгісі: төрбақ денелі, төрт аяғы сом, жал-құйрығы күлтеленген қою, өкпенің тұсындағы екі қолтығында орайы мен танауының ішінде иненің көзіндей үш тесік болады. Қыстыгүні сол орайлар қыраулап жүреді. Мұзбүйрек аталуының себебі содан екен. Қызбел – ерекше бап пен күтімді қажет етеді. Ерекше белгісі: тұрқы ұзын, жал-құйрығы сұйық, жүргенде құйрығын екі аяғының арасына алып жүреді. Ат азудың арасы өте жақын болады. Ол тары симас деп аталады. Ерекше сұлу, сымбатты келеді. Халқымызда айғырдың кекіліне тоқпақ байлау үрдісі бар. Тоқпақ байлау – үйріндегі қунаң-дөненді, кейде байтал, мініс аттарын қуып шайнайтын, тістеуік, қазымыр айғырдың жөнсіз әрекетін шектеу үшін кекіліне көлемді зат байланған. Тоқпақтың көлемі аса үлкен емес: ұзыны екі тұтамға жақын, ені үш-төрт елі келген бір жағы жалпақ жұдырықтай ағаш. Тоқпақты қайыңның тошыны, ағаштың безінен жасайды немесе малдың үлкен сақасының ортасын тесіп тағайды. Көбінесе, айғырдың арынды, әуселесі мықтылары айғырдан шыққан биелерге де шауып тыным бермей құлынын ағызып түсіріп тастағандар үшін де тоқпақ байланады. Осыған байланысты, «асауға – тоқпақ, ұры итке – кескек» деген сөз орамы қалыптасқан. Айғыр бейуаз бойдақ жылқыны қуғанда басын сілкіп, айбат шегеді, сол кезде кекіліне байланған тоқпақ мандайын ұра бергендіктен басы ауырған айғыр қыңыр-қисық оғаш мінезін доғаратын, шектейтін болады. Сол кезде тоқпақты шешіп тастайды. Ағашы аз өңір Батыс Қазақстанда тоқпақ ретінде кесек тас байлайды. Кекілден ноктаға ұқсатып байлаған шылбырға немесе айғырдың кекілін ширатып білтелеп, оған шүберекке түйген тасты байлап қояды. Табылса үлкенірек тесіктасты байлайды.

Ломова Елена Александровна

Кандидат филологических наук

Доцент кафедры Русской и мировой литературы Казахского государственного национального педагогического университета имени Абая (КазНПУ им. Абая),

Казахстан, г. Алматы

РЕЦЕПЦИЯ ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ В ЗАРУБЕЖНОЙ СЛАВИСТИКЕ

Аннотация

Данная статья рассматривает проблему интерпретации восприятия поэзии М. Цветаевой англоязычной славистикой

Ключевые слова: рецепция, интертекстуальный анализ, поэтическая модель, миф, художественная система, трансформация, историко-литературная общность, литературное наследие.

Annotation

This article observes investigation the problem of interpretation and reception poetry of M

Keywords: reception, intertextual analysis, poetry model, myth, art system, transformation, historical and literature community, literary heritage.

Проблема жизни и творчества М. Цветаевой в рецепции зарубежной славистики в Англии и США связано с зарождением цветаеведения в этих странах в 1940-1970-х годах [9], [10].

В 90-х годах прошлого столетия англо-американское цветаеведение отмечало свой 25-й юбилей, что нашло яркое отражение в материалах и итогах цветаевских симпозиумов, проходивших в Амхерстве и Нортфиле в 1992 году.

В качестве основополагающих западных работ, посвященных поэтическому наследию М. Цветаевой, следует отметить монографию С. Карлинского как своеобразную литературную биографию русской поэтессы и как основу для формирования последующих рецептивных направлений в зарубежном цветаеведении. В работе С. Поляковой (1974) и ее последователей нашел отражение психологический и психоаналитический подход к лирике М. Цветаевой [6].

В исследованиях англоязычных славистов также интересно представлен интертекстуальный анализ литературного творчества М. Цветаевой и изучение ее автомифологии [18], [20].

Зарубежные ученые пишут о природе и технике цветаевского мифотворчества. В поле их интересов попадает, в частности, орфический мир в ранней лирической поэзии М. Цветаевой, мифопоэтика его стихотворного сборника «После России», а также мифопоэтическая модель поэмы М. Цветаевой «Новогоднее» [1].

Систематическое изучение творческого наследия М. Цветаевой в силу социальных и идеологических причин началось прежде всего в США, то есть ранее, чем в России, где литература эмиграции была полностью исключена из истории отечественной культуры [6].

Первое отдельное двухтомное издание цветаевской поэзии увидело свет в Нью-Йорке еще в 1953 году, а в СССР ее томик стихов под названием «Избранное» вышел лишь в 1961 году.

В России чтение и изучение лирики М. Цветаевой было негласным и включало в себя претензию на известную изысканность литературного вкуса и почти обязательное политическое свободомыслие [7], [8].

В этом смысле ярким примером можно назвать книгу Саймона Карлинского (Simon Karlinsky) «Марина Цветаева: ее жизнь и искусство», где содержится библиография, отражающая степень интенсивности обращения зарубежных и советских исследователей к творчеству М. Цветаевой. В этой библиографии из 44 приведенных статей 43 опубликовано за рубежом. Славист из Калифорнийского университета С. Карлинский справедливо считал, что поскольку великие поэты и писатели принадлежат не только своей стране, их творческое наследие по праву принадлежит всей мировой культуре [13], [16].

В этом смысле западные слависты, в особенности в Америке, постарались восполнить этот важный пробел в советской науке и литературоведческой критике, не дожидаясь того времени, когда советские ученые при выборе научных тем и проблем будут руководствоваться литературной ценностью, а не политической целесообразностью [10].

Критический материал, накопленный английскими и американскими цветаеведками – это достаточно крупное явление, которое требует внимательного осмысления и тщательного анализа [18], [20].

Произведения М. Цветаевой относятся к тем культурным ценностям, которые приобрели несомненное международное значение. И их освоение вносит существенный вклад во взаимообмен между российской и западной культурами [17], [21].

К числу таких работ относится исследование Е.В. Соловьевой, в котором представлен подробный обзор двух крупнейших симпозиумов, состоявшихся в год 100-летия М. Цветаевой в Америке [31].

Изучением творчества М. Цветаевой за рубежом занимаются как потомки русских эмигрантов, так и слависты США и Англии. Среди ведущих англоязычных цветаеведов необходимо назвать имена издателей ее поэзии и ведущих переводчиков, среди которых Александр Сумеркин (ША), Глев Струве (США), Виктория Швейцер (США), Анжела Ливингстон (Angela Livingston – Англия), Эндрю Кон (Andrew Kahn – Англия), Робин Кембалл (Robin Kemball – США), а также имена преподавателей и профессоров старейших западноевропейских университетов мира, среди которых Ольга Раевская-Хьюз (Olga Raevsky-Hughes) – университет Калифорнии, Майкл Мейкин – Мичиганский университет, Джеральд Смит (Gerald Smith) – Оксфордский университет – Англия [19], [28], [22].

4. Ehrlich S. Gender-based Language Reform and the Social Construction of Meaning / S. Ehrlich // The Feminist Critique of Language. – L., N. Y. : Routledge. – 1998. – P. 164-183.

5. Elgin E. Whisper on the Wind / E. Elgin. – London: Harper Collins Publishers, 1992. – 592 p.

6. Sheldon S. The Best Laid Plans / S. Sheldon. – London: Harper Collins Publishers, 1997. – 343 p.

Уразгалиева С.Б.

аға оқытушы, филология магистрі,

Багдаулет А.

қазақ филологиясы мамандығының 2 курс студенті,

А.Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университеті,

Қазақстан, Қостанай қ.

ЖЫЛҚЫ – ЖЕТІ ҚАЗЫНАНЫҢ БІРІ

Қазақ халқының тілі мен діліне, дүниетанымына үңіле қарасаңыз, жылқыға байланысты өзгеше мәдени, философиялық жүйенің қалыптасқандығын аңғарасыз. Халқымыз адам мен оның жан серігі – атына біртұтас әлем ретінде қараған. Баланың ер жетіп, адамзат қатарына қосылуын «ат жалын тартып мінді» деп бейнелеген бабаларымыз. Жас баланың алғаш ат тізгінін тізгіндеуі – тоқым қағар тойымен бастау алып, пәни қақпасы жабылғанының белгісі – ат тұлдауға дейінгі түгел тіршілігін жылқымен байланыстырған. Жылқы бабаларымыздың тек шаруашылығында ғана емес, әлеуметтік өмірінде де маңызды мәнге ие. Оған сыйлы қонаққа ат мінгізу, күйеу жігіттің қыз айттыруға барғанда ат байлауы, ұрыс кезінде жау қоршауында қалған қолбасшыға ат сүйек беріп құтқару сынды дәстүрлер айғақ бола алады. Жылқының өзге түліктерден басты артықшылығы оның «ел қорғаны, ердің жан серігі» деп дәріптелуінде. Ұлттық мифология мен батырлар жырында, тар соқпақта тегеурінін танытқан тұлпарлар, Қобыландының Тайбурылы, Алпамыстың Байшұбары, Қамбардың Қарақасқасы, Исатайдың Ақтабаны, Көрұғлының Қыраты, Ер Тарғынның Тарланы, Төлегеннің Көкбозы, Көбіктің Ақмоншағы, Қараманның Сандалкөгі, Амангелдінің Шалқасқасы Кендебайдың Керкұласы т.б. иелерімен жыр аңызға айналып, ел құрметіне бөленіп тарих қойнауына енді. Жылқының кереметтілігі бұл деңгейден де тереңге тамырлап, айталық, Аламан бәйге, Құнан бәйге, Жорға жарыс, Бәйге, Көкпар, Аударыспақ, Ат омырауластыру, Ат үстінен тартыс, Қыз қуу, Салма ілу, т.б. спорттық ойын-сауықтармен сал-серіліктің сәні мен шырайын келтірген. Қазақ халқының алыс қашықтыққа шабатын бәйгелер ұйымдастыратыны жөнінде орыс

- похвала функціонує виключно у ситуаціях кооперації; у потенційно конфронтальних ситуаціях висловлювання похвали виконують особливу корекційну конфліктно-превентивну функцію. Остання характеристика визначає також етнокультурну своєрідність похвали у мовленнєвій діяльності англомовних комунікантів різних статей.

Перлокутивний ефект висловлювань похвали полягає у прийнятті або неприйнятті похвали реципієнтом. У першому випадку відповідними реакціями можуть бути подяка, підтвердження, приємне здивування, ескалація і відповідна похвала. У другому випадку перлокутивний ефект похвали проявляється у репліках, які висловлюють обурення, девальвацію похвали.

«Чоловіча» мова відображає прямо протилежні до жіночих ціннісні орієнтації. У своїх висловлюваннях похвали англомовні чоловіки віддають безсумнівно пріоритет здібностям та діловим якостям адресатів, до того ж це стосується представників обох статей, хоча чоловікам така похвала адресується набагато частіше (71% випадків), ніж жінкам (53%). На приклад: «My father was a farmer», said Arnie with some heat, «and, thank God! He made no pretense of being a gentleman. He worked with own hands and I've seen him often enough with a pitchfork turning over a heap of manure, when no one else was handy» [5]. Simon talked of the man he employed: «Nick is very matter-of-fact and more over he has the best temper in the world. I'm satisfied with all his perfections» [3].

Однак, якщо за успіхи та досягнення чоловіки надають перевагу хвалити представників власної статі, то привабливі якості особистості вони більше цінують у жінках (37% проти 27%). Зовнішність у чоловічій шкалі цінностей займає останнє місце. Навіть зовнішня привабливість представниць слабкої статі попри очікування надихає чоловіків на похвалу лише у 5% випадків. Зовнішність представників власної статі надзвичайно рідко стає об'єктом позитивної оцінки зі сторони комунікантів-чоловіків: в нашій виборці зафіксовано лише три випадки похвали такого характеру. Наприклад: «Is it you, John? With this new job you've changed so much. You look perfect,» said Sam Winter [6].

Отже, результати проведеного нами дослідження дають підстави стверджувати, що пріоритетними об'єктами похвали у висловлюваннях англомовних чоловіків виступають здібності та ділові якості адресатів, що обґрунтовується специфікою їх світоглядних позицій, які відрізняються від жіночих.

Література:

1. Cameron D. *The Feminist Critique of Language* / D. Cameron. – L., N. Y.: Routledge, 1998. – 147 p.
2. Dickson D. *Rewarding People: The Skill of Responding Positively* / D. Dickson. – London, New York: Routledge, 2003. – 232 p.
3. Drabble M. *The Needle's Eye* / M. Drabble. – England: Penguin Books, 1972. – 399 p.

Библиографическое направление в изучении творчества М. Цветаевой создало общественные предпосылки для формирования и трансформации англоязычных исследований в сторону психологического и психоаналитического аспектов [3], [4], [11], [12], [14], [15]. Интертекстуальные и мифокритические исследования помогли «выйти за пределы и рамки цветаевского текста и уловить жанровую, идейную, стилистическую и образно-содержательную связь творчества М. Цветаевой с другими художественными системами» [23], [24], демонстрируя и структурируя основные модели и приемы усвоения литературных источников и М. Цветаевой. Это помогло прояснить, под влиянием каких литературных, философских и эстетических идей и традиций складывалось ее творческое самоопределение. По разнообразию работ очевидно, что на современном этапе развития цветаеведения интертекстуальное направление наиболее популярно и продуктивно в США и Англии [26], [27].

На примере монографии О. Хейт можно проследить и самое молодое и очень перспективное направление англоязычного цветаеведения – исследование мифопоэтики в лирике русской поэтессы. Оно решает такую важную проблему цветаеведения как «изучение типологии и генезиса тематических и образных инвариантов творчества поэтессы» [25], [29].

Интертекстуальные, мифокритические работы, вписывая цветаевские тексты в историко-литературную общность, «представляют собой промежуточное звено в процессе перехода к качественно-новому уровню анализа художественного текста» [30].

Образцом культурологического направления в исследовании творчества М. Цветаевой служат, в частности, работы М. Шевеленко. Преимущество этого направления очевидно в том, что оно связывает цветаевское литературное наследие с общим социально-культурным и историко-литературным контекстом того времени.

Стиховедческие подходы в лице литературоведческих работ Дж. Смита, Р. Кембалла, Р. Томсона, представляющие самостоятельное направление в англоамериканском цветаеведении, имели свою сложность, которая заключается в существенном различии русской и английской просодии [2]. Если переводчик пытается максимально сохранить авторские метрики, системы рифмовки, аллитерации и ассонансы, то англоязычному читателю остается непонятным, в чем собственно авторство и авангардизм цветаевской лирики, которые так популяризируют исследователи. Если же переводчики следуют цели создать англоязычную версию стихов М. Цветаевой как полноценную лирику, то они не дают при этом не малейшего представления западному читателю о своеобразии русского стиха этой гениальной поэтессы [5], [32], [33], [48].

Все это говорит о немалых трудностях восприятия иноязычным читателем поэтического цветаевского мира, но при этом нисколько не умаляет важность и значимость совместных усилий литературоведов Запада сделать имя Марины Цветаевой подлинным бесценным достоянием мировой культуры.

Література

1. Бургин Д.Л. Марина Цветаева и трансгрессивный эрос: Статьи, исследования. / Диана Льюис Бургин. Пер. с англ. С. Сивак; ред. Н.Кононов. СПб: ООО ИНАПРЕСС, 2000. – 240 с.
2. Гурьева Г.Н. Концепция творчества в художественном сознании Марины Цветаевой. / Дисс. канд. филол. наук. Саратов, 1998.
3. Кудрова И.В. Путь комет: жизнь Цветаевой. СПб: Вита Нова, 2002. – 766 с.
4. Лосская В. Марина Цветаева в жизни. / Неизданные воспоминания современников. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1989. – 348 с.
5. Мейкин Л.А. М. Цветаева: Поэтика усвоения. / Пер. с англ. С. Зенкевича. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 310 с.
6. Полякова С.В. К вопросу об источниках поэмы Цветаевой «Царь-Девича». // «Russica 81»: Литературный сборник / Под ред. А. Сумеркина. Нью-Йорк, 1982. – С. 222-228.
7. Смит Дж. Взгляд извне: статьи о русской поэзии и поэтике. / Пер. с англ. Гаспарова М.Л. Скулачевой Т.В. М., 2002.
8. Современное зарубежное литературоведение. М., 1999.
9. Тяпков. Русский символизм в рецепции англо-американского литературоведения. / Дисс. канд. филол. наук. Иваново, 2000.
10. Урнов Д.М. Литературное произведение в оценке англо-американской «новой критики». М., 1982.
11. Цаликова И.К. Жизнь и творчество М. Цветаевой в рецепции зарубежной славистики: Англия, США. / Дисс. канд. наук. Ишим, 2005.
12. Цветаева М.И. Письма Марины Цветаевой Ю.П. Иваску. // Русский литературный архив / Под ред. М. Карпович, Д. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. – С. 207-237.
13. Цурканова Е.А. Новации зарубежного литературоведения в XX в. М., 2001.
14. Bayley I.A. Poet's Tragedy: Marina Tsvetaeva / John Bayley // Selected Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 156-165.
15. Beaujour E.K. Others of the Paris Emigration: Marina Tsvetaeva. // Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the «First» emigration / Elizabeth Klosty Beaujour. Ithaca, London: Cornell University Press, 1989. – P. 129-142.
16. Brostrone Kenneth. W. Russia Literature and American Critics. Michigan, 1984.
17. Cixous H. Poetry, Passion and History: Marina Tsvetaeva. // Readings: The poetics of Blanchot, Joyce, Kafka, Bleist, Lispector, and Tsvetaeva/ ed. By V. Conley. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. – P. 11-151.
18. Dinega A.W. Exorcising the Beloved: Problems of Gender and Selfhood in Marina Tsvetaeva's Myths of Poetic Genius: D.Phil., thesis. University of Wisconsin. Wisconsin, 1998. – P. 34.
19. Erlich Victor. Modernism and Revolution Russian Literature in Transition. Cambridge, Mass., London, 1994.
20. Feiler L. Marina Tsvetaeva: The Double Beast Heaven and Hell. Lurbam: London, 1994. – 199 p.

ЛИНГВІСТИКА

К.ф.н. Ключко Л. І., к.п.н. Теренко О. О.

Сумський державний педагогічний університет ім. А. С. Макаренка

ПРІОРИТЕТНІ ОБ'ЄКТИ ВИСЛОВЛЮВАНЬ
ПОХВАЛИ АНГЛОМОВНИХ ЧОЛОВІКІВ

Зміна парадигм у науковому пізнанні початку XXI століття характеризується становленням функційної антропологічної лінгвістики, у якій мова розглядається не як іманентна система, а як система яка складає конституційну сутність чоловіків та жінок, що формується у фундаментальних власних рисах під впливом відмінностей біологічної та нейрофізіологічної побудови представників двох статей, тісно пов'язана з їх особистостями, мисленням, духовно-практичною діяльністю і знаннями про світ, що й обґрунтовує актуальність широкого спектру проблем гендерного дискурсу.

Похвала – це багатообіцяючий об'єкт дослідження, нерозривно пов'язаний з параметрами мови, соціального оточення чоловіків та жінок і володіючий специфічними характеристиками, які не можуть бути до кінця розкриті без фундаментального вивчення та систематизації. Однак, серед широкого загалу робіт, розкриваючих проблеми цієї області у вітчизняній та зарубіжній лінгвістиці, поки що відсутні штудії, у яких аналізувались би гендерні відмінності у висловлюваннях похвали.

Похвала – це мовленнєва дія, що здійснюється мовцем з метою вираження позитивного ставлення до об'єкту похвали або здійснити на нього позитивний емоційний вплив, що базується на його прийнятті у широкому розумінні цього слова.

З точки зору прагматичного статусу, похвала у англійській мові кваліфікується як складний полілокутивний мовленнєвий акт – мовленнєве утворення, яке характеризується прагматичним суміщенням у одному висловлюванні двох або більше мовленнєвих функцій, і яке маніфестується різними типами елементарних мовленнєвих актів або їх двочленими комбінаціями.

Похвала у англійській мові функціонує як оціночне висловлювання. Від інших оціночних висловлювань та мовленнєвих актів (самопохвали, компліменту, іронії) похвала відрізняється наступними якостями:

- похвала – це щире і об'єктивне, з точки зору мовця, висловлювання прийняття особистості адресата, його рис та діяльності, а також об'єктів, що належать до світу адресата;

- похвала – це індивідуальна авторська комунікативна стратегія, у наслідок чого мовленнєве оформлення висловлювань похвали відрізняється якісним різновидом і відсутністю шаблонів;

любви, доброты, стойкости и преданности понадобилось ей, чтобы разрушить злые чары и подарить Щелкунчику счастье снова превратиться в человека. Поэтому она удостоена волшебного царства. Волшебное царство, которое посетила Мари вместе с Щелкунчиком, – это царство кукольное, детское, где пряничные замки, сахарные крыши и другие чудеса. Но в этом кукольном царстве Гофман изображает совершенно земные, повседневные заботы волшебных персонажей, ничуть не отличающиеся от человеческих, да и героиня сказки Мари, при всей своей возвышенной душе, все же связана с привычным бытом обыкновенной немецкой семьи. Недаром она так бережет новое платье, подаренное ей на рождество, и ей так трудно расстаться с марципанами. Гофман даже в детской сказке не удерживается от иронии, спуская свою героиню с небес на грешную землю, на которой приходится жить даже мечтателям с самым причудливыми фантазиями.

Сказки и новеллы Гофмана были известны в России уже в XIX веке. Они составляли значительную часть чтения детей и юношества. По словам В.Г.Белинского, сказки Гофмана – «единственные превосходные сказки во всемирной человеческой литературе!».

Гофман не приемлет жизненных устоев окружавших его обывателей, презирая угодничество и чиновничество. Его романтические сказки были попыткой вырваться из этого убожества в красивый иллюзорный мир, так непохожий на современную Германию.

Литература:

1. Э.А.Т.Гофман. Щелкунчик и Мышиный король. – М.: Эксмо, 2005. – 64 с.
2. Э.А.Т.Гофман. Глава «Подарки». – М.: Сов.Россия, 1991. – С.82.
3. В.Г.Белинский. «Записки». – М.: Феникс, 1992. – С.78
4. С.Б.Соломенцов. «Анализ зарубежной литературы». – М. Изд-во Академии художеств, 1950. – 247 с.

21. Karlinsky S. Marina Tsvetaeva. Her Live and Art. Los-Angeles, 1966. – 309 p.
22. Kelly C.H.M. History of Russian women's Writing. Oxford University Press, 1994. – P. 20.
23. Letters. Summer 1926: B. Pasternak, M. Tsvetaeva. R.M. Rilke / tr. M. Wetlin and W. Arndt. London, 1985. – P. 15.
24. Lord R. Russian and Soviet Literature. London, 1972.
25. Lord R. Russian Literature. New York.
26. Makin M. Marina Tsvetaeva: Poetics of Appropriation. Oxford: Garention Press, 1993. – P. 9-65.
27. Mirsky D.S. Marina Tsvetaeva. // Contemporary Russian Literature 1981-1925 / com. Dmitry S. Mirsky. London: Boutledge, 1926. – P. 246-263.
28. Schweitzer V. Tsvetaeva. Victoria Schweitzer, tr. R. Chandier and H.T. Willets. NX, 1993. – 544 p.
29. Slonim M. An Outlin of Russian Literature. New York; London, 1958. – P. 214-215.
30. Smith G.M. The Versification of Marine Tsvetaeva's Lyric Poetry 1922-1923. // Essays in poetics, 1976. Vol, №1, № 2. – P. 21-50.
31. Somova E.V. «M. Tsvetaeva, One Hundred Years: Papers from the Tsvetaeva Centenaty Symposium Amherst College; Norwisch Symposia on Russian literature and culture: M. Tsvetaeva 1822-1922».
32. Taubman I.A. A Life Through Poetry. Marina Tsvetaev's lyric Diary. Columbus: Slavice publishes, 1989. – 295 p.
33. Turner C.E. Studies in Russian Literature. London, 1982.

Абубакирова Г.Н.

ага оқытушы, филология магистрі

*А.Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университеті
Қазақстан, Қостанай қ.*

ҚАЗАҚ ЛЕКСИКАСЫНЫҢ КІРМЕ СӨЗДЕР АРҚЫЛЫ БАЮЫ

Кез келген тілдің сөздік құрамының толығып кемелденуі бір ғана өзінің ішкі мүмкіндіктері арқылы болып қоймайды. Өзінде жоқ сөзді өзге тілдерден ауысып алу арқылы да тіл өзінің сөздік құрамын байытып, жетілдіріп отырады. Мұны қазақ халқының даму тарихына саралап көз жүгіртсек, олардың көптеген көрші елдермен үнемі тығыз қарым-қатынаста болғандығын көреміз. Мысалы, орыс, қытай моңғол, грек, латын тілдерінен қазақ тіліне сөз ауысқанын тарихи деректермен көз жеткізуге болады.

Зерттеушілер негізгі сөздік қорға тән үш айырым – белгі бар екендігін айтады: 1) ұзақ тарихи кезеңдерде заттар мен құбылыстарды өзіне тән ерекшелігімен көрсетудегі сөздердің тұрақтылығы; 2) негізгі сөздік қордағы сөздердің жаңа сөз тудырудағы қабілеттілігі; 3) кең қолданысқа түскенде негізгі сөздік қордағы сөздердің жалпы халықтығы мен түсініктілігі.

Шығу төркіні жағынан алып қарағанда, сөздердің тілден тілге ауысуының тікелей ауысу және жанама ауысу деп аталатын екі түрі болады. Бірінші тәсіл бойынша белгілі бір сөздер бір тілден екінші тілге тікелей енеді де, екінші тәсіл бойынша кейбір сөздер бір тілден екінші тілге тікелей емес, басқа бір тіл арқылы енеді. Мысалы, қазақ тіліне *көшір*, *түрме* деген сөздер орыс тілінен енген. Ал бұларды шығу тегі жағынан алып қарасақ, олар неміс тілінің сөздері болып табылады. Біріншісі неміс тілінде – *Kutsher*, екіншісі – *Turm* (орысша «башня») деген мағынада) түрінде дыбысталады. Бұл сөздер қазақ тіліне тікелей неміс тілінен енген. Олар неміс тілінен орыс тіліне, орыс тілінен қазақ тіліне енген. Орыс тіліндегі «*аскер*» (қазақша – «әскер») – шығу төркіні жағынан араб тілінің сөзі. Зерттеушілер бұл сөз орыс тіліне тікелей араб тілінен емес, түрік тілі арқылы енді деп есептейді.

Тіл-тілдің лексикасында ауызша енген кірме сөздер де (устные заимствования), жазбаша енген кірме сөздер де (письменные или книжные заимствования) бар.

Ауызша түрде енген сөздердің көпшілігі тұрмыс қажетіне байланысты зат атаулары болып келеді. Мұнымен бірге олардың ішінде мәдениетке байланысты ұғымдардың да атаулары болады. Ауызша енген кірме сөздерге өте-өте тән ерекшелік сол – олар қабылдаушы тілдің дыбыстық (фонетикалық) заңдарына, орфоэпиялық ерекшеліктеріне бағынып, соған сәйкестендіріледі. Мысалы, орыс тіліндегі *волость* деген сөздің қазақ тіліне енгенде, *болыс* болып өзгерілуі қазақ тілінің ол сөзді өзіне тән дыбыстық ерекшеліктеріне икемдеп игеруінен. Жекелеп, талдап айтқанда, қазақ тілінің төл сөздерінде в дыбысының болмауынан, ол б дыбысына (еркін дыбысы) айналған да, екінші буында еріндік о дыбысының қолданылмау заңдылығынан ол дыбыс езулік ы дыбысына айналған; сөз соңындағы жіңішке ть дыбысының түсіп қалуы сөз соңында екі қатаң дыбыстың тіркесіп келмеу заңдылығынан болған. Араб тіліндегі *гайд* деген сөздің қазақша *айт* (діни ұғымға байланысты, бұл күнде көнерген) болып өзгеруі де қазақ тілінің дыбыстық ерекшелігіне байланысты. Әдетте, қазақ тілінде сөз басында ғ дыбысы қолданылмайды. Осы заңдылыққа сай, бұл сөздің арабша айтылуындағы сөз басындағы ғ дыбысы түсірілген. Рас, қазақ тілінде *ғасыр*, *ғалым*, *ғылым* тәрізді ғ дыбысынан басталатын бірден-сараң сөздер. Бұл сөздердің басында ғ дыбысының сақталып қолданылуы олардың ауызша емес, жазбаша түрде енуінен, кітаби кірме сөздер (книжные заимствования) болуынан және көбінесе жазба әдебиетте қолданылып қалыптасуынан болса керек. Ал ұяң д дыбысының қатаң т дыбысына айналуы қазақтың байырғы сөздерінің соңында ұяң д, б, г, ғ, в дыбыстарының қолданылмау заңдылығымен байланысты.

своим мечтам – слишком суровую жизненную школу он прошел. Писатель ни на минуту не отступает от разума, логики, твердого осознания того, что бытие человека – в двух противоположных состояниях – реальности и мечте. Это двоимирие – проявление величия духа человеческого и извечная его мука в стремлении догнать и воплотить в реальность мечты, от него убегающие.

Когда мы вступаем в художественный мир Гофмана, нас охватывает ощущение необычности, невероятности всего происходящего.

Наиболее известна его сказка «Щелкунчик и Мышиный король». В создании яркого выразительного стиля автор использует различные художественные приемы. Здесь и литота «Господин в изумительно-зеленом плаще выглядывал из окна, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше», и метафора «...слезая, он сказал, что конь – лютый зверь, о ничего: уж он его вышколит». Эту сказку Гофман написал специально для детей. В ней он использует свой излюбленный прием двоимирия. В одном – пьют, едят, ходят на службу. В другом – фантастический мир, видимый не всякому человеку, а лишь тому, кого Гофман называет «музыкантом» или обладающим «шестым чувством», умением любить и чувствовать красоту, жертвовать материальными благами ради духовных.

Композиция сказки необычна. Это своеобразная пирамида: одна сказка вклинивается в другую. Все персонажи, кроме Мари и Дроссельмейера, – люди обыкновенные. И поэтому им не понятен чудак Дроссельмейер, который ведет себя более чем странно для солидного человека – чиновника, старшего советника. А внутренний мир Мари они объясняют избытком детской фантазии. Однако и Мари и Дроссельмейер живут не только в мире сказки, недоступном приземленным людям, обывателям. Их жизнь раздвоена, и в свой сокровенный, невидимый другим мир они никого не допускают, зная, что их не поймут.

Здесь, как и в некоторых других сказках Гофмана, главными оказываются два персонажа. Один из них появляется из старой сказки (как доктор Альпанус из «Крошки Цахес» и архивариус Линдгорст из «Золотого горшка»): это крестный Дроссельмейер, рассказавший сказку о твердом орехе, в которой он сам, искусный мастер и чародей, является участником невероятных событий. Другой персонаж – романтическая героиня (как и благородный чистый юноша – студент в упомянутых сказках), девочка с нежным сердцем, Мари, одаренная любовью и стремлением вырваться из беды страдающее существо – Щелкунчика.

Они-то и способны обрести блаженство, не в этом прозаическом мире, а в иной, невидимой остальным стране – в царстве мечты и чудес.

В этой сказке Гофман соединяет два мира, мечты и реальности, вводя в повествование еще одну самостоятельную сказку «О твердом орехе». Это разграничивает персонажей, одновременно показывая, что фантазия и жизнь не разделены пропастью. Героиня сказки Мари воплощает полноту жизни. Насколько же богат ее внутренний мир по сравнению с миром лишенных фантазии рационалиста – ее брата Фрица! Сколько радостных и горьких минут довелось ей пережить. Сколько

Литература:

1. Акимов К.Х. Лезгинская национальная проза: История развития жанровой системы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. 136 с.
2. Бадалов Бедлахтул. Миф. Роман. – Баку, 1993.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 419–429.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 750 с.

Алимбетова Р.В.

Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати

ЖИВОПИСЕЦ НЕВИДИМОГО ВНУТРЕННЕГО МИРА

Гофман – немецкий романтик, автор изумительных сказок. Но его сказки не забавные причудливые истории, а глубоко трагичные произведения. Как говорил Гейне, это «потрясающий крик ужаса в двадцати томах». Сказки Гофмана носят глубоко нравственный, воспитательный характер. Талант писателя многогранен: он был великолепным исполнителем и дирижером, автором оперы «Ундина», а также непревзойденным живописцем и искусным графиком. Нельзя при этом забывать, что он вс. Жизнь провел в канцеляриях судебного ведомства.

Гофман – личность неординарная, сложная, он разделял многие идеи немецких романтиков, хотя не примыкал ни к одной из немецких романтических школ. Он верил, что мир можно организовать по законам эстетики и красоты. Главную роль писатель отводил творческой личности, способной сотворить новый мир, правда, только в своей фантазии. Иначе зачем жить, зачем так велик и прекрасен человек?

Гофман был далек от политической борьбы. Мир делился для него на тех, кто способен хотя бы услышать истину о мире и человеке, и тех, кто способен хотя бы услышать истину о мире и человеке, и тех, кто на это способен, на «музыкантов» и «не музыкантов». Для писателя, «музыкант» – не профессия, а состояние души его героев: студентов, чудаков, не умеющих жить по законам филистерского мира. Люди с музыкальной, тонкой и обаятельной душой чаще были изгоями буржуазного мира. Герои Гофмана – это вечно куда-то стремящиеся, мятущиеся энтузиасты, не ведающие покоя, презирающие сытое благополучие. Это – бунтари, не знающие, куда и как направить свое бунтарство, а потому всегда трагичные. Очень точно и кратко определил это состояние Томас Манн, назвав главное качество немецкого романтика «пессимизмом честности». Но Гофман не очень доверялся

Лингвистикалық тұрғыдан қазақ тілі ғана емес, жалпы түркі тілдері лексикасын молайтудағы рөлін, эволюциясын, өздерінің семантикалық жақтан дамуын, орфографиялық, орфоэпиялық, грамматикалық жақтан өзгерісін т.б. жайларын ғылыми тұрғыдан білу – қажетті нәрсе [1, 105].

Мәселен, *хана* – парсы тілінде *үй* деген сөз. *Хана* қазақ тілінде түбір, түбірлес сөздерде аффикс (жұрнақ) сықпаты болып кеткен; бірсыпыра сөзге жалғанып, жаңа сөз жасайды, жаңа ұғым туғызады: *шайхана, қымызхана, жатақхана, кітапхана, масахана, асхана, баспахана, аурухана* (веранда деген мағынада) т.б. *Нама* – парсы тілінде *хат* деген сөз. Қазақ тіліне әбден сіңіскеннен кейін бұл сөз *тама – тема – дама – деме* сияқты дыбыстық өзгеріске түскен. Осы дәнекер, яғни қазақша аффикске айналған сөз арқылы толып жатқан жаңа сөз жасалған: *сипаттама, дәлелдеме, жолдама, мінездеме, анықтама, жарнама* т.б.

Араб, парсы тектес ономастардың, әсіресе кісі аттарының, о баста белгілі бір мағынасы бар екені мәлім. Бірақ оларды қабылдаған тіл қазірде ондайлардың алғашқы семантикасын қарастырып жатпайды, біртұтас ретінде, дайын қалпында қолдана береді. Арғы семантикасына көз жүгіртсек: *Фирдоуси* – парсыша *ұжмақ*, *Низами* – арабша *назм* (бірқалыпты сөз – мерная речь). *Науаи* – өзбекше *мелодикалы*, *үнді*, *Хафиз* – арабша *құранды жатқа білуші*, *Хайям* – арабша *шатыр жасаушы*, *Саятнова* – арабша *ән патшасы*, *музыка иесі* т.б.

Араб, парсы тектес көптеген онома алғашқы мағынасы мен дыбысталу қалпын қазақ тілі заңына әбден басындырып, әбден сіңісіп, төл есімдей болып кетті. Мысалы: *Айбарша, Айгүл, Анар, Әуез, Базар, Бақберген, Гүлнар, Дана, Досбол, Ерболат, Жандос, Жақыл, Иманжан, Кұлаш, Мейрам, Зеркүл, Қамқа, Назыкеш, Үміт, Шынар, Ырысжан* т.б.

Қазақ тілі лексикасының құрамындағы басқа тілден ауысқан сөздер қалыптасу жөнінен түрлі дәрежеде.

1) Басқа тілдерден ауысқан кейбір сөздердің бір тобы қазақ тілі лексикасының сөздік қорына қосылып, фонетика-морфологиялық тұрғыдан әбден қалыптасып кетті. Олар қазақтың байырғы сөздері сияқты айтылады да, жазылады. Мысалы, араб тілінен ауысқан *ақыл* сөзінен *ақыл-ды, ақыл-дасу*; иран тілінен ауысқан *жай* (хал – жай); орыс тілінен ауысқан *рет – реттеу* т.б. Бұлардың шығуын айқындау үшін тілдерді салыстырып зерттеу қажет.

2) Бір тілдің байырғы сөздері басқа бір тілге ауысқанда сол тілдің сөздік құрамында ұзақ жүріп, сыртқы формасын өзгертеді; ал кейде олардың ішкі мазмұны да өзгеріп кетуі мүмкін. Мысалы, шығуы жағынан араб тіліне жататын *мағлұмат* сөзі *мәлімет* болып, ал *хүкім* сөзі *үкім* болып өзгерген. Осы *хүкім* сөзінің сыртқы түрінің өзгеруімен бірге ішкі мағынасы да өзгеріп, *өкім, өкімет, үкімет* болып көбейіп, әр түрлі мағынаға ие болған. Бұлардың бұлай болуының екі түрлі себебі бар:

а) бұл сөздер бір тілден екінші тілге тікелей ауыспай, басқа бір тіл арқылы ауысады;

ә) олар ең алғаш сөйлеу тілінде қолданылады, сондықтан олардың дыбысталу құрамы өзгереді [3, 111].

Сөздердің фонетикалық өзгеріске ұшырауы, олардың еркін түрде айтылуынан. Бұған кейде халық этимологиясы да әсер етеді. Мысалы, *автомобиль* деген сөздің айтылуы мен жазылуы орыс тіліндегідей болғанымен, кейде халық тілінде *аттама-бел* дейді, яғни аттау деген етістікпен байланыстырып, белді аттап, қырдан асады дегенге меңзейді. *Совхоз* деген сөз кейде *сақбоз* болып айтылады, яғни ол сөз бұрмаланып айтылады; немесе *стол* дегенді *үстел* дейді. Мұндағы бір ерекшелік – шеттен кірген сөздің фонетикалық өзгертіп, қазақшалап айтқанда олар бұл сөздердің түпкі мағынасына жақындатуды көздемейді, қалай да қазақ тіліндегі байырғы, таныс сөзіне жақындатуды нысана етеді. Халық этимологиясы жалпы басқа тілдерде де болатыны заңды. Тілдің тарихын зерттеуде қашанда кірме сөздердің орны ерекше болмақ.

Әдебиеттер тізімі

1. Аханов Т. Тіл білімінің негіздері. -Алматы: Санат, 1993.
2. Кеңесбаев К., Мұсабаев Ф. Қазіргі қазақ тілі. -Алматы: Мектеп баспасы.

Красина Марина Радиевна

Московский городской педагогический университет, Россия

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ПОД ЗНАКОМ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ»

В прозе Набокова некоторые классические мотивы стали работать несколько иначе, по-новому характеризую героя. Например, писатель оригинально раскрывает тему двойничества (герой – автор), имевшую в предыдущем столетии трагический оттенок, связанный с идеей распада личности. У Набокова только **герой-творец имеет двойника**, ему же противостоят персонажи плоские и однозначные, которые относятся к антагонистической составляющей художественного мира писателя. Двойники Набокова воплощают идею об ином возможном способе реализации, они имеют еще один шанс на воплощение себя. Такой подход к двойничеству лежит в основе **набоковской концепции личности**, она воплощена одновременно в авторской позиции и в образе главного героя романа. Почти все набоковские герои имеют своих двойников: у Лужина – Туррати, у Гумберта – Куильти, у Ганина – это «двойник Ганина», «его тень», у Смурова – «соглядатай», у Германа – Феликс, у Цинцинната – «другой, добавочный Цин-

Модель Вселенной в романе представлена в виде трех вариантов космоантропогенеза:

а) демиургического как творческого процесса бога, обладающего качеством андрогинности;

б) эволюционного как постепенного развития, где доминантным мотивом является мотив саморастущей земли;

в) воплощающего идею обновления мира и человека посредством «возвращения к истокам», представленного героическим эпосом.

Космогонические мифы древних лезгин обнаруживают прообраз Центра Мира, известный всем мифологическим системам евразийского региона. Мифопоэтическая основа романа Бадалова может восприниматься как вариант метасистемы евразийской мифологии. Однако космоантропогенез представлен не в его классической модели превращения хаоса в космос, а в качестве акта обновления мира мифологизированным героем. Мифопоэтический подтекст выстраивает аналогии, сближения и контрасты, ведущие к возникновению образного параллелизма, характерного для произведений мифопоэтического типа. Создавая множество намеков, ассоциаций, соприкосновений и сопряжений, этот прием предельно расширяет художественное пространство романа, делает произведение разноплановым, многозначным, пластичным и тем самым возможным для множества трактовок и интерпретаций. Анализ структуры центральных персонажей, генетически близких героям архаических мифов (мужские персонажи) или воплощающих архетипические тендерные черты (женские персонажи), позволяет говорить о существовании подобной же системы в области духовных и нравственных ценностей. Неизменными остаются нравственные ценности, вера в доброту, любовь, душевное благородство. Созданный писателем мир можно рассматривать как аналог национальных проблем, он максимально «замкнут» и статичен, т.к. ограничен не только извне, но и снаружи, будучи официально отделенным от всего остального мира. Поэтому сохранение своей культуры, «самости» становится необходимым условием не только для самоидентификации, но и для выживания в чужом окружении черты.

Традиционное сознание древних лезгин в силу своей приверженности стереотипу, образцу, в большей степени, чем культура развитых цивилизаций, сохранило неприкосновенными фундаментальные для этноса представления и идеи о творении мира и человека. Будучи органичной составляющей концепции евразийского мифологического космоантропогенеза, лезгинский вариант обнаруживает две версии творения мира: демиургическую представляющую создание космоса одним или двумя демиургами. Отраженное в романе мифопоэтическое творчество лезгинского народа может восприниматься как вариант метасистемы евразийской мифологии. В нем гармонично интегрируются все основные категории мифов в целостную, сюжетно оформленную картину.

рых основным содержанием является стремление определить меру личного участия каждого во вселенской борьбе добра и зла, подразумевающего пренебрежение к конкретным социальным реалиям.

Мифология как совокупность мифов (в данном случае мы понимаем под мифом вербальный, сюжетно оформленный факт мировоззрения этноса) дает уникальный материал для понимания природы человека, его места во Вселенной; а мифология как наука, изучающая мифы, и историческая культурология, объединяющая методы исторического и культурологического анализа, обнаруживает, что современная наука во многих областях совершает открытия, давно известные религиозно-мистическим концепциям Запада и особенно Востока, хотя и выраженные в иной системе категорий.

Современная лезгинская литература представлена множеством авторов, принадлежащих к разным возрастным категориям и имеющих разные (порой противоположные) мировоззренческие установки. Однако, в отличие от европейского и русского постмодернизма, большей частью лезгинская литература не ограничивается констатацией мира как Хаоса и ориентацией на игру, а находится в поисках новых ценностных ориентиров, лежащих, в первую очередь, в области фольклора, мифологии, героического прошлого, народной философии. Духовная культура народа на первоначальных этапах своего развития была тесно связана с мировоззрением, обусловленным потребностью осмысления людьми явлений природы сообразно своему миропониманию. Эти воззрения служат основой для мифов, преданий, легенд. Для религиозных представлений лезгин характерно оживление и наделение сверхъестественной силой окружающих предметов. От соотношения этих сил зависело благополучие человека. В романе нашли отражение многие мифы, сказки и сказания о Главном Боге Рагъе, Боге справедливости Алпане, Боге тайн Варзе, Боге дождя Гудуле, богине красоты Ярги Руш, покровительнице семьи и материнства Арчан, боге урожая Тарласеи др.

Для романа «Миф» характерна многоплановость действия, обусловленная изображением героев разноприродных сфер, которые взаимодействуют друг с другом, – люди, боги, демоны. Ощущению единства повествования способствуют мотивы, которые связывают художественные планы между собой и определяют сюжетное движение в романе. Основным признаком этих мотивов и семантическим ядром авторского текста является мотив столкновения человека со сверхъестественными существами. Этот мотив в сюжетном плане может принимать разные формы в связи с мифологической традицией: сотворение мира, любовные похождения или борьба и т.д. Средоточием пространства духа древних лезгин является глубокое понимание нераздельности их существования с жизнью природы, опосредованность сосуществования с себе подобными. Кочевое положение при всех сопутствующих бытовых и социальных стеснениях формирует неистребимое свободолобие, особую обращенность мыслей и чувств к звездному небу, настраивает дух человека на возвышение.

циннат», у Федора Годунова–Чердынцева – Кончеев. Но каковы бы ни были варианты воплощения «я» героя, у него есть основа, которая позволяет ему сохранить себя: «Я есмь» (онтологическая характеристика)[2, 225]. Раздвоение и поиски себя (онтологическая характеристика – часть и целое) – взаимосвязанные процессы, скрепленные с попытками обрести целостность. «В контексте набоковского художественного мира процесс раздвоения и поиски своей целостности оказываются аспектами одного процесса осознания себя как основного сюжета, предмета своей жизни – текста, процесса себяписания, через который ведется освоение реальности» [1, 83].

Как и в других произведениях писателя («Соглядатай», «Дар» и др.), в романе «Под знаком незаконнорожденных» можно выделить **мотив двойничества**, соглядатайства. Герой «Bend Sinister» указывает на то, что есть кто-то, кто за ним «присматривает»: «Чужак, спокойно следящий с абстрактного берега за течением местных печалей. Фигура привычная – пусть анонимная и отчужденная. Он видел меня плачущим, когда мне было десять, и отводил к зеркалу в заброшенной комнате (с пустой попугайной клеткой в углу), чтобы я мог изучить мое размываемое лицо. Он слушал, поднявши брови, как я говорил слова, которые говорить не имел никакого права. В каждой маске из тех, что я примерял, имелись прорези для его глаз» [3, 307]. Этот отрывок мы бы объяснили так, что истинное Я героя (сознание – автор-создатель) следит за тем Я, которое у всех на виду. В минуты душевного напряжения «соглядатай» «с заботой и участием» приглядывает за своим «подопечным»: «Попытался откашляться, но это вызвало лишь новую конвульсию плача. Он сожалел уже, что уступил искушению, потому что не мог взять уступку назад, и трепещущий человек в нем пропитался слезами. Как и всегда, он отделял трепещущего от наблюдающего: наблюдающего с заботой, с участием, со вздохом или с вежливым удивлением. То был последний оплот ненавистного ему дуализма. Корень квадратный из Я равняется Я» [3, 307]. В попытках определения, кто же есть этот настоящий Я (Круг или его двойник, или автор-создатель их обоих), Набоков не устанавливает четких границ, что, на наш взгляд, помогает реципиенту ощущать себя в некоторой степени соавтором писателя. Хотя в предисловии он говорит такие слова: «во втором абзаце пятой главы появляется первый намек на кого-то, кто «в курсе всех этих дел», – на таинственного самозванца, использующего сон Круга для передачи собственного причудливого тайнописного сообщения. Этот самозванец не венский шарлатан <...> но антропоморфное божество, изображаемое мною. В последней главе книги это божество испытывает укол сострадания к своему творению и спешит вмешаться. Круг во внезапной лунной вспышке помешательства осознает, что он в надежных руках: ничто земное не имеет реального смысла, бояться нечего, и смерть – это всего лишь вопрос стиля, простой литературный прием, разрешение музыкальной темы <...> утешенный Круг возвращается в лоно его создателя» [3, 493]. Его, «антропоморфное божество», своего создателя Круг называет: «Мой спаситель. Мой свидетель» [3, 307]. О связи с ним герою

намекают некоторые обстоятельства: уже в первой сцене, в которой центральный персонаж рассматривает лужу, напоминающую формой клетку, готовую разделиться, там, в отражении, он видит все наоборот – перевернутое небо, дома и деревья «кверху ногами». Этот образ вновь и вновь возникает в романе, появляясь в виде чернильного пятна в четвертой главе, кляксы в главе пятой, пролитого молока в главе одиннадцатой. «Лужа, снова и снова вспыхивающая таким образом в сознании Круга, остается связанной с образом его жены не только потому, что он разглядывал вставленный в эту лужу закат, стоя у смертного ложа Ольги, но также и потому, что эта лужица невнятно намекает ему о моей с ним связи: она – прореха в его мире, ведущая в мир иной, полный нежности, красок и красоты» [3, 489]. О присутствии автора в тексте намекают и переходы от третьего лица к первому не только в речи и в мыслях Круга, но и в повествовании: «Он снова встал <...> В обморочном свете <...> его рука отыскала узор неровностей: канавку в камне парапета, выступ и впадинку с какой-то влагой внутри <...> Именно в эту ночь, сразу после того, как они попытались вернуть *мне* ее сумочку, гребешок, сигаретницу, я нашел его и потрогал <...> (курсив мой – Красина М.Р.)» [3, 311]. Таких переходов от *он* к *я* в романе несколько, все они осуществляются в моменты сильного внутреннего сосредоточения героя, эмоционального напряжения, которые связаны с мыслями об Ольге. С этим мотивом связан нетривиальный финал романа, в котором автор уводит героя в свой мир, «полный нежности, красок и красоты». Такой прием в романном творчестве предпринимается Набоковым впервые. Помимо этой новаторской черты для творчества Набокова в романе есть и еще одна: первый раз автором ставится вопрос о том, «Что важнее решить: проблему «внешнюю» (пространство, время, материя, непознанное вовне) или проблему «внутреннюю» (жизнь, мышление, любовь, непознанное внутри) или опять-таки точку их соприкосновения (смерть)? <...> даже если мир есть нечто, изготовленное из ничто и помещенное в ничто, изготовленное из нечего. Или «внутреннее» и «внешнее» – это также иллюзия, и потому можно сказать о высокой горе, что она выше другой на тысячу снов, а надежду и отчаяние легко нанести на карту в виде названных с их помощью заливов и мысов?» [3, 433]. До Адама Круга эту проблему герои Набокова решали однозначно **в пользу собственного сознания**. Здесь же идет речь о пересечении миров: внутреннего и внешнего, а именно об осознании, что и есть, по Набокову, реальность.

Классические мотивы в творчестве писателя переработаны и иначе функционируют: мотив двойничества и мотив памяти, как, впрочем, и многие другие, главной целью имеют раскрытие многогранной и глубокой сути героя-художника, а также они являются своего рода маркерами, отличающими категорию «пошляков» от категории «творцов». Существование двойника подчеркивает особую, глубокую натуру персонажа, имеющую дополнительный вариант своей реализации. Здесь мы наталкиваемся на другую важную идею художественного мира В.Набокова: герой, осознавший в себе творца, способен стать автором себя

5. Хортен М. Религиозные представления современных мусульман// Атеист, 1930 №59
6. Флоренский П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – Л., 1924
7. Лажечников И.И. Ледяной дом. Л.: Художественная литература, 1982
8. Мервин Пик. Титус Гроан, – С-П.: Симпозиум, 2003
9. Мервин Пик. Горменгаст, – С-П.: Симпозиум, 2004
10. Мервин Пик. Одиночество Титуса, – С-П.: Симпозиум, 2005
11. Словарь литературоведческих терминов под ред. Белокуровой. – С.П.: Паритет, Спб., 2006

Абдурахманова Т.И.

Дагестанский государственный педагогический институт

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОСМОАНТРОПОГЕНЕЗ В РОМАНЕ Ф.БАДАЛОВА «МИФ» В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Современные деструктивные явления в сфере культуры ставят под угрозу систему сложившихся духовных традиций и этических норм, сохранность уникального менталитета и его художественного наследия. Истоки большинства национальных литератур и многих литературных течений берут начало именно в древних мифологиях, вбиравших в себя немалый социальный, познавательный и исторический опыт народов, живших в эпохи, когда ни литературы, ни науки, как таковых, не существовало.

Особенности мировоззрения этноса, так или иначе представленные в мифе как универсальной категории культуры, интересовали человечество уже с эпохи античности: Возрастающий интерес к мифологиям традиционных культур и примитивных цивилизаций, а также попытки определения места мифологической системы отдельного этноса в целостной архаической картине строения мира объясняется целым рядом причин, главными из которых представляются следующие: стремление восстановить свое «генеалогическое древо»; воссоздать свободную от философских, социальных и литературных напластований картину возникающего и развивающегося Бытия.

Восточная мифопоэтика, в особенности индоиранские сказания и тюркский эпос, аккумулировавшие азиатскую философскую картину мира, всегда предстает транслятором высокой духовности.

Западный прагматизм на путях достижения социально определенной цели, во многом противопоставляется духовным практикам человека Востока, в кото-

Фактически в каждом произведении русской зарубежной классики в художественном центре или на периферии находится текст архитектуры, который мы можем осмыслить, исходя как из философско-эстетических взглядов писателя, так и расшифровки семантических знаков культуры.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Текст архитектуры представлен не контурными, конструктивными линиями, но как множество точек, по выражению Н. Энеевой, «чреватых бесконечностью». Эти точки приводят в движение тонкие нити «цепи Бытия», обозначая путь в мир барочного «зазеркалья», в мир символов, аллегорий, эмблем, уподоблений. Поэтому даже рассказ о ренессансных памятниках предполагает их «готическую» репрезентацию. Взгляд из центра часто уводиться на периферию.

Основным концептом текста архитектуры выступает картина мира и в романтической, и в готической литературе. Особое литературное значение имеет техника создания архитектурного строения и его символика.

В рамках заявленной нами проблематики были рассмотрены концепции «антидома», в которой наблюдается разрушение основных принципов мироздания и гармонии в целом.

Так при анализе романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом» архитектурный памятник представлен как «потешный дом», что ведёт к дисгармонизации всего общества и отдельных человеческих судеб. Это достигается благодаря трансформации мотива естественности в мотив искусственности. Замок и ледяной дом вызывают страх, заставляют поступать и думать определённым образом.

В трилогии Мервина Пика «Горменгаст» замок, также как и ледяной дом, начинает со своими «заложниками» игру. Это можно выявить при рассмотрении мотивного комплекса каждого произведения. Символика лестницы, окна, порога, дверей и др. дают полную картину взаимодействия главного героя (архитектурного памятника) и других персонажей. Причём наличие или отсутствие одного из компонентов несёт идейную нагрузку и выполняет определённые функции.

Одним из основных мотивов в произведениях становится мотив призрачности, который реализуется либо через конкретные образы (ледяная статуя), либо через комплекс деталей. Это придаёт тексту архитектуры мистичность.

И Горменгаст, и ледяной дом живут в своём мире, страдают и заставляют страдать других, дышат, думают, мстят, проявляют жестокость, что является подтверждением того, что текст архитектуры – это синкретический образ.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа.
2. Савельева В.В. «Художественный текст и художественный мир». – Алматы: Дайк-Пресс, 1996
3. Харит. Красивый дом. Архитектурные идеи разных стран, – М., 2005
4. Евсюков В.В. мифы о вселенной. – Новосибирск: Наука, 1988

и перейти в трансцендентную реальность. Именно так заканчивается самый загадочный роман писателя «Приглашение на казнь».

Литература

1. Колотнева Л. Герой, автор, текст в романистике В. Набокова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01 – Воронеж: 2006 – 184 с.
2. Набоков В.В. Приглашение на казнь: Романы / В.В. Набоков. -Харьков-М.: Фолио, АСТ, 1997. – 480 с.
3. Набоков В.В. Bend Sinister: Романы / В.В. Набоков. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 527 с.

Биркин Алексей Александрович

Гущин Юрий Геннадьевич

Московский институт открытого образования

ПИСАТЕЛЬСКАЯ СЛАВА И НАГРУЗКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ ПЛОДОВ ВДОХНОВЕНИЯ МАСТЕРОВ СЛОВА

Аннотация. Исследуется зависимость популярности писателя (рейтинга) от физиологических параметров восприятия текстов его произведений, получаемых с помощью программ диагностики нагрузок кода речи.

Ключевые слова: популярность писателя (рейтинг), физиологические параметры восприятия художественных текстов, программы диагностики нагрузок кода речи.

Популярность писателя (рейтинг) свидетельствует о достоинствах его произведений, их актуальности и востребованности читательской аудиторией. Персональный авторский рейтинг в числовых сравнимых величинах читателей или рецензентов публикуется на массовых русскоязычных литературных сайтах «Лаборатория фантастики.ру», «Библиотека фантастики», «Самиздат.ру» и «Проза.ру» [1]. Очевидно, чем больше читателей обращается к произведениям данного автора, тем он успешнее и, наоборот.

Как выяснилось, самыми популярными писателями любителей электронных книг стали великие русские классики – Толстой, Достоевский и Чехов. А из современников наибольшей популярностью в России пользуются Борис Акунин и Стивен Кинг [1].

Каковы же условия популярности произведений различных авторов? Не вызывает сомнений, что первейшим таким условием является художественная цен-

ность произведения, которая основывается на осмыслении и понимании его текста. Но, к сожалению, надежные и исчерпывающие формальные признаки, характеризующие данное условие, пока получить не представляется возможным. Следовательно, в настоящее время нет возможности подвергнуть данные признаки какому-то объективному анализу. Вместе с этим, в самом начале восприятия речи в режиме реального времени наша нервная система (НС) подготавливает к осмыслению, декодирует или вычисляет коды букв и слов из поступающих через анализаторы зрительных и звуковых сигналов. Чем больший ресурс она затрачивает на эту работу, тем меньше сил ей, как ограниченной в возможностях вычислительной системе, остается на понимание смысла текста, и наоборот. Экспериментально доказано, что начальный досмысловой этап восприятия текста (декодирование) субъективно ощущается человеком. Причем, чем больше текст отклоняется от эволюционно привычной модели по своей структуре (встречаемости букв или длине слов в буквах), тем труднее он воспринимается и понимается. Эта закономерность до настоящего времени не использовалась в качестве учитываемого объективного прогностического критерия авторской популярности [2].

Следовательно, можно обоснованно предположить, что популярность прозаического произведения зависит от физиологических параметров восприятия авторского текста. Для подтверждения этой гипотезы возникает необходимость анализа материалов наиболее массовых литературных сайтов с целью нахождения зависимости популярности автора (количества читателей) от физиологических параметров восприятия текста его произведения, получаемых с помощью программ диагностики нагрузок кода речи.

В интересах достижения упомянутой цели в процессе исследований решались следующие задачи: 1) за ограниченный период времени (3–4 часа), используя наиболее массовые литературные сайты «Самиздат.ру» и «Проза.ру», сформировать репрезентативные (статистически достаточные) случайные выборки прозаических произведений популярных (более 30000 читателей) и менее признанных (менее 1000 читателей) авторов; 2) с помощью программ диагностики нагрузок кода речи оценить физиологические характеристики восприятия текстов выборки; 3) провести статистический анализ собранного материала.

Ранее, в контексте упомянутых гипотезы, целей и задач исследования были опубликованы доказательные данные, свидетельствующие о целесообразности подобного подхода к популярности текстов художественных произведений на примере исследования сайтов «Лаборатория фантастики.ру», «Библиотека фантастики» [3]. Эти материалы иллюстрирует рисунок 1. На рисунке показаны средние значения нагрузки первого этапа декодирования в выборках случайно взятых текстов популярных (слева) и менее известных (справа) авторов, вычисленные с помощью программы диагностики нагрузок кода речи версии 4.1–2006 г.

кого-либо о желании «выйти из игры» или играть не по правилам, а попытки вовсе вызывают гнев и ненависть.

Замок как микромодель вселенной самодостаточен, и большой мир настолько не важен для его обитателей, что даже не описывается.

Особая власть замка явно прослеживается в финале, последнем мощном аккорде. Тит покидает его – как он полагает, навсегда. Он свободен. Но провожает его голос матери: «Убежать от Горменгаста невозможно... В мире ничего, кроме Горменгаста, нет... Так или иначе, Титус, ты вернешься... Все дороги, все тропинки ведут в Горменгаст... Все в мире приходит к Горменгасту...»

Итак, замок впитывает души своих жителей – как графской династии, так и рядовых обитателей. Для большинства своих обитателей замок – это сверхценность, спасение от хаоса и единственно мыслимый способ жизни. Но, как ни парадоксально, среди всех персонажей именно возмутитель спокойствия – Стирпайк – является человеческим воплощением Горменгаста. Особый тип «двойников», воплощающий в себе особый авторский код познания мира и самого себя. Стирпайк сделан из того же особого материала, что и Горменгаст.

Мотив падения, которым так умело управляет архитектурное строение, присутствует в судьбах почти каждого персонажа. Он постоянно заставляет их падать и ударяться о камень, оступаться, «лететь с высоты», это своего рода и духовное падение. Ритуал подменяет истинную Веру, тем самым, делая из своих почитателей своего рода заложников. Основной способ управления ими достигается через образ лестниц и дверей. Именно благодаря им Свелтер становится слугой Горменгаста. Но таким способом Замок поглотил его душу и мысли. Блуждание не только физическое, но и духовное – это то состояние, в котором он находится постоянно, точнее в котором держит его «хозяин».

Элементы смерти, тьмы и огня формируют лейтмотив встреч Фуксии и Стирпайка. Две из них происходят возле могил; в восьмой, *«изголовьем им служит узкий, поросший травой могильный холмик ее старенькой няньки»*; третья происходит во время «предсмертной агонии» заката; в седьмой, из-за напоминания об их второй встрече атмосфера становится «мертвенно тихой», и во время их последней встречи, глаза Фуксии «казались мертвыми». Смерть и тьма, очевидно, связаны как в этом контексте, так и в «предсмертной агонии» заката. Встречи почти всегда происходят в полумраке, когда власть Горменгаста находится на своём пике, или он их понуждает устремиться вглубь в тень.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что, идя от конкретного образа текста архитектуры как самостоятельного, мы выходим к переосмыслению идейного содержания всего произведения.

Между тем «архитектура» и «архитектурность» приобретают у Мервина Пика значение культурософских понятий, без которых невозможно проникнуть в модель мира. В основании мира лежит «таинственный тютчевский камень», а сам мир напоминает собой зримые архитектурные формы, творимую из хаоса гармонию.

Голос ледяного дома возникает неслучайно, он «заковывает в свои ледяные объятия» потаённых людей, заставляя их издавать «звуки смуты и потехи». Быть может сам человек виновен в том, что мир, в котором он живёт, а может быть просто существует, превращается в метареальность, сфокусированную в образе здания. Это уже не четырёхмерное пространство, а место соединения границ всех миров, в котором человек получает возможность моделировать будущую жизнь, а может, становится марионеткой.

Внутренний мир дома довольно размерен, закреплён и вроде бы естественен. С точки зрения предложенной «многоступенчатой вселенной», центр – стол – не смещен, что является доказательством существования стержня в рассматриваемом образе.

При анализе образа текста архитектуры основополагающую роль играет материал и цветосимволика.

Гибель Волинского в «Ледяном доме» трактуется многими исследователями как искупительная жертва в двойной борьбе: за свободу отечества и за личное нравственное очищение. На наш взгляд, это жертва-необходимость, продиктованная жестокостью непосредственно самого образа ледяного дома, своеобразная месть за собственное «омертвление». Не случайно автор не раз сравнивает его с гробом, пышным, но полным отчаяния. Искусственность, по Лажечникову, обречена на разрушение.

Описание Горменгаста, открывающего роман, где слова «громоздкие архитектурные достоинства» в точности передают то, что будет происходить деле. Однако за этой громоздкостью скрывается дополнительное измерение, измерение магии: Поднимаясь или, наоборот, спускаясь по ступеням (мотив лестницы) которого, можно попасть как в небесные чертоги, так и в адскую бездну. Интересен тот факт, что автор как будто нарочно ведёт нас «сверху вниз», это видно по названиям глав первого романа. Во втором и третьем романах части не имеют названий, что наводит мысль о том, что в начале своей трилогии он обозначает все приоритеты. Во-первых, это демонстрация «всевластности» Горменгаста, во-вторых, так реализуется основная идея падения нравов и духа, в-третьих, это «перевернутая модель» мира, когда совершается путь от конца к началу, наконец, подчёркивается цикличность времени (действие начинается и заканчивается в «Зале Блистающей Резьбы» как некоего идеала).

В итоге мы получаем следующую модель:

Крыша, чердак, башня – «адская бездна»

Всевозможные залы, Великая кухня, Библиотека, горницы, озеро, сады – «средний грешный мир».

Двор, темные плиты подвалов, – «небесные чертоги», здесь живут только самые невинные жертвы.

Вся игра, затеянная Горменгастом, так или иначе, приводит к трагедии. Он же, регулятор действий, испытывает удовольствие, когда всё получается так, как ему хочется: «быть вредным – так весело». В ярость его приводит даже мысль

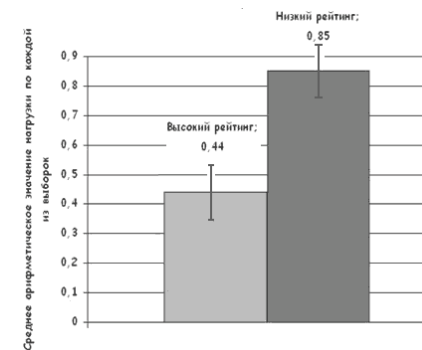

Рис. 1. Среднее арифметическое значение нагрузки первого этапа декодирования при различной популярности произведений авторов-фантастов.

Как свидетельствуют представленные данные, в выборке текстов с низким рейтингом средняя нагрузка в два раза выше по сравнению со средней нагрузкой выборки текстов с высоким рейтингом (данные достоверны, $p \leq 0,05$, соответственно $0,44 \pm 0,19$ и $0,85 \pm 0,26$, для расчетов использован Т-критерий Стьюдента).

Итак, на основании обнаруженной закономерности можно утверждать, что условием популярности авторского текста являются его нагрузочные свойства. Эти свойства характеризуются показателем средней динамической нагрузки 1-го этапа декодирования (буквообразования), не превышающим $0,63 (0,44 \pm 0,19)$. Вычисляемый в используемой в данном случае (4,1–2006 г.) версии программы показатель нагрузки, свойственной классу легких текстов, не должен превышать $1,50$.

Целью следующего исследования было подтверждение полученной закономерности на основании более представительной выборки текстов различных по жанру художественных произведений и с помощью более совершенной пользовательской программы диагностики нагрузок кода речи версии 10.1–2009 г. В отличие от версии 4.1–2006 г. эта программа позволяет вычислять параметры физиологии восприятия текста не только по первому этапу декодирования – буквообразования, но и по второму этапу декодирования – словообразования. Кроме того, на основании этих параметров она вычисляет интегральный показатель данных показателей – физиологический индекс восприятия текста. Исходные материалы для настоящего исследования на примере сайта «Самиздат.ру» представлены на рисунке 2.

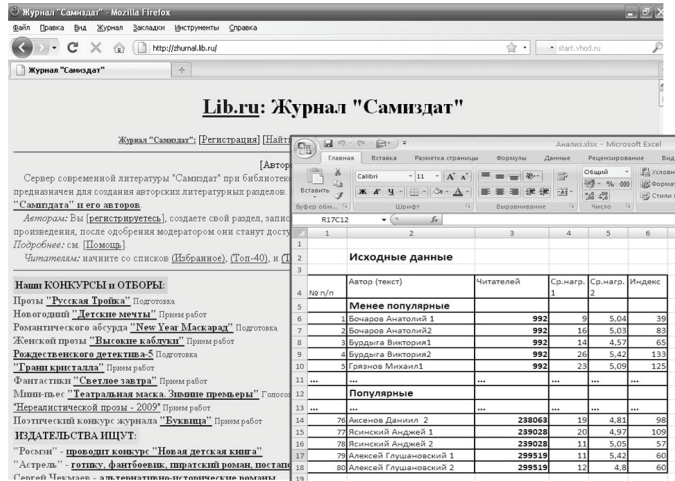

Рис. 2. Исходные материалы для исследования: журнал «Самиздат.ру».

В отличие от версии 4.1–2006 г., программа версии 10.1–2009 г. вычисляет параметры нагрузок декодирования в иных масштабных шкалах. Для статистической обработки полученных с помощью этой программы результатов было использовано офисное программное обеспечение «Excel.2007», а также специальная программа для расчета достоверности различий долей. Для этого строго по показаниям использовался U-критерий Фишера с применением ϕ (фи) функции Фишера с поправками по Йетесу и Ван дер Вардену.

Данные статистической обработки полученных материалов по сайту «Самиздат.ру» на примере физиологического индекса восприятия текста приведены в таблице 1, где: N – общее количество наблюдений в группе, f – частотность или количество наблюдений в группе с изучаемым признаком, P% – доля наблюдений в группе с изучаемым признаком, +m(p) % – стандартная ошибка доли, критерий Фишера – вычисленное значение U-критерия Фишера, $p <=$ – вероятность ошибки или нулевой гипотезы. Принятым в биологических исследованиях критическим (достоверным, значимым, доказательным) значением U – критерия Фишера является величина, равная или большая 1,960. Это соответствует вероятности ошибки 5% (0,05) и менее. Большее значение критерия соответствует меньшему значению ошибки. В результате обработки параметров текстов с сайта «Самиздат.ру» получены следующие результаты (таблица 1.).

аналитический подход рассматривает содержательные аспекты построения готического архитектурного текста как отражение специфики самосознания и личностного самоопределения человека. Власть Замка чувствуется с первых страниц. Сделанный из камня, он торжествует над «сожжением из дерева». Здесь же подчёркивается самоценность и самодостаточность Горменгаста, «варившегося в собственном соку».

Основной панорамой действия становится лестница, которая выступает в качестве «ведущей», и зал, где непосредственно происходит взаимодействие персонажей. Следующие образы архитектуры, на которых автор особо не заостряет внимания, играют второстепенную роль, лишь дополняя основной ансамбль. После довольно долгой подготовки читателя к комплексному восприятию образа ледяного дома, только в третьей части романа мы встречаем его описание. Само его строительство подчёркивает идею дисгармонии. Построение дома изначально – не просто возведение здания, а одновременно отражение внешнего мира и выстраивание субъективных ценностей, этических и эстетических ориентиров. Строительству предшествует ряд обрядов, связанных с выбором места под строение. Здесь дом функционирует в качестве основного объекта и выполняет магическую функцию замещения: дом = будущая жизнь. Нарушение традиций, с которым мы сталкиваемся, вбирает в себя, в первую очередь, философскую нагрузку. Идея шутовства и праздника в сочетании с характером ледяного дома заставляют, во-первых, действовать героев по определённому шаблону, во-вторых, объединить две картины мира: историческую и мировоззренческую, наконец, в-третьих, вставить некие ноты мистики в происходящие события через образ-компонент ледяной статуи. Концепция псевдожилища наиболее ярко реализуется в этом контексте, когда фундамент является не продолжением самой природы, а её «замороженной» фикцией. Наличие только мотива квадрата как мужского начала является первой предпосылкой разрушения категории лада.

Мотив пламени, огня, свечи пронизывает всё повествование, символизируя собой очищение души. Пламя, как характерологическая черта образа дома, чаще всего страдает. Бесспорно, что оно является объектом прямой формы направленной к зениту. Инстинкт вертикальности, инстинкт, вытесненный обязанностями обычной жизни, – жизни плоско горизонтальной, противопоставлен мотиву холода, смерти.

Структура самого здания локализуется по принципу верх/ низ (модель многоэтажной вселенной). Само здание включает в себя все выше перечисленные составляющие «горизонталь», «вертикаль» же организуется по принципу динамики, материализацией которой является ледяная статуя. Возникает ощущение «игры льда-зеркала», когда само здание является воплощением всего мира, его зеркалом. Как говорилось ранее, в христианском мировосприятии было точное разделение между «этажами» вселенной и дома, соответственно, как её микро-модели. В ледяном же доме мы встречаем отсутствие потолка, как основного составляющего концепции трёхмерного пространства.

Для анализа выбраны роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом» и «Горменгаст» Мервина Пика в аспекте текста архитектуры. При вычленении и анализе «текста архитектуры» учитывался, во-первых, уровень композиции, а точнее один из ее приемов – принцип симметрии. Во-вторых, соотношение форм, пропорций, линий, объемов, колонн, арок, галерей и т.д. Оно создает своеобразный композиционный «пульс» архитектурного сооружения. Наблюдение над архитектурной текстурой позволяет выделить в них множество аналогичных композиций и «архитектурных» образов, которые свидетельствуют о тяготении литературы к зримому, осязаемому искусству.

Между тем «архитектура» и «текст архитектуры» приобрели значение культурософских понятий, без которых невозможно проникнуть в модель мира. В основании мира лежит «таинственный тютчевский камень», а сам мир напоминает собой зримые архитектурные формы, творимую из хаоса гармонию. Отсюда и культура трактуется как «идея, дающая строй и архитектуру всему историческому процессу».

При рассмотрении текста архитектуры, пришли к выводу о том, что сам дом, замок является микромоделью вселенной. Особое внимание следует уделить времени действия. В основном, в подобных произведениях реализуется концепция, принятая в Средневековье. Все замки и дворцы строились в соответствии с мировосприятием, мироощущением того времени.

Для того чтобы подтвердить данный вывод, обратимся к древним взглядам на вселенную, сложившимся в то время, когда человеческая мысль, еще не поднявшись до уровня подлинно научного знания, делала первые шаги в постижении окружающего мира. Среди всего многообразия космологических представлений совершенно особое место занимает модель, которую условно можно назвать концепцией «многоэтажной» или «многоступенчатой» вселенной. Суть ее заключается в том, что мироздание подразделяется на несколько располагающихся один над другим миров. В известной мере они самостоятельны, но при этом надежно скреплены в единое целое.

Это замечание немаловажно при анализе поведения героев, на которых оказывает влияние архитектура. Интересен тот факт, что овальная, круглая символика (женское начало) доминирует в «каменных стенах», квадратная же (мужское начало) в деревянных избах. Это наталкивает на мысль о том, что желание достигнуть гармонии – основной принцип текста архитектуры.

У Лажечникова мы наблюдаем романтическую концепцию изображения антидома в качестве «потешного». Образ ледяного дома проходит через весь роман, вплетается в перипетии романтической интриги, перерастает в олицетворение мрачного и бесчеловечного царствования, над которым вершит свой исторический суд автор. В трилогии Мервина Пика «Горменгаст» готическая разработка пространства, в частности символика традиционного старинного замка, интерпретируется в связи с несвободой, заключением в тесные границы. Психоло-

Таблица 1

Физиологический индекс восприятия в группах текстов произведений популярных и менее именитых авторов, опубликованных на сайте «Самиздат.ру»

Тексты	Популярные авторы, 82413-299519 читателей, N=40			Менее популярные авторы, 992-999 читателей, N=40			У-критерий Фишера	p≤
	f	P%	±m(p)%	f	P%	±m(p)%		
«Легкие» тексты Индекс <= 108	38	93,8	3,8	27	67,5	7,4	3,166	0,01 (1%)
«Тяжелые» тексты Индекс > 108	2	6,3	3,8	13	32,5	7,4	3,166	0,01 (1%)

Как свидетельствуют приведенные данные при неограниченном количестве подобных наблюдений (с достоверной степенью вероятности или с вероятностью ошибки в 1 и менее процент), получаем неизбежно повторяющийся закономерный результат. Исследования показывают, что доля (%) более легких текстов (с индексом восприятия менее 108), превышает таковую у авторов с громкими именами в сравнении с менее прославленными писателями в 1,4 раза (соответственно $93,8 \pm 3,8\%$ и $67,5 \pm 7,4\%$). Доля тяжелых текстов (с индексом восприятия более 108) в 5,2 раза меньше у знаменитых писателей, нежели чем у менее известных авторов (соответственно $6,3 \pm 3,8\%$ и $32,5 \pm 7,4\%$). В процессе дальнейших исследований при более жестких условиях статистической обработки аналогичные закономерности нами были получены и на основании исследования параметров 115 случайно отобранных текстов с сайта «Проза.ру».

Значит, популярность прозаического художественного произведения в значительной степени зависит от физиологических параметров восприятия авторского текста. Величина интегрального индекса восприятия текста произведения меньшая, чем 108, увеличивает шансы на успех литератора в 1,4 раза. Недопущение индекса декодирования за текст более, чем в 108 баллов, снижает риск попадания сочинителя в число менее звездных в 5,2 раза.

Программные технологии кода речи, моделирующие работу НС в период восприятия текста, позволяют не только прогнозировать популярность художественных произведений, но и модифицировать их в интересах успешности автора. Облегчение текстов по физиологическим параметрам способствует сохранению ресурсов нервной системы читателя. Это актуально для развития здоровьесберегающих технологий в образовании. В этой связи с точки зрения полученных данных представляет значительный интерес оценка психофизиологических параметров статей школьных учебников.

На рисунке 3 показаны в режиме реального времени чтения текстовые нагрузки 1-го этапа декодирования учебников по истории для 9 и 11 классов в

сравнении с возможностями восприятия взрослого человека (до 1,5 баллов) и с параметрами текстов популярных творцов (до 0,44 балла). По этическим соображениям имена авторов учебников не указываются.

Ниже в таблице 2 приведены данные обработки и по другим учебникам, тексты которых оказались доступными из сети Интернет. Все они рекомендованы Министерством образования и науки РФ.

Данными о допустимых текстовых нагрузках для детей различных возрастных групп мы пока не располагаем. Но даже для взрослого человека эти нагрузки огромные, а что говорить о ребенке? Ведь этот материал ретранслируется в методических разработках и устной речи учителя на уроке, не говоря уже о том, что с этими текстами работают дети.

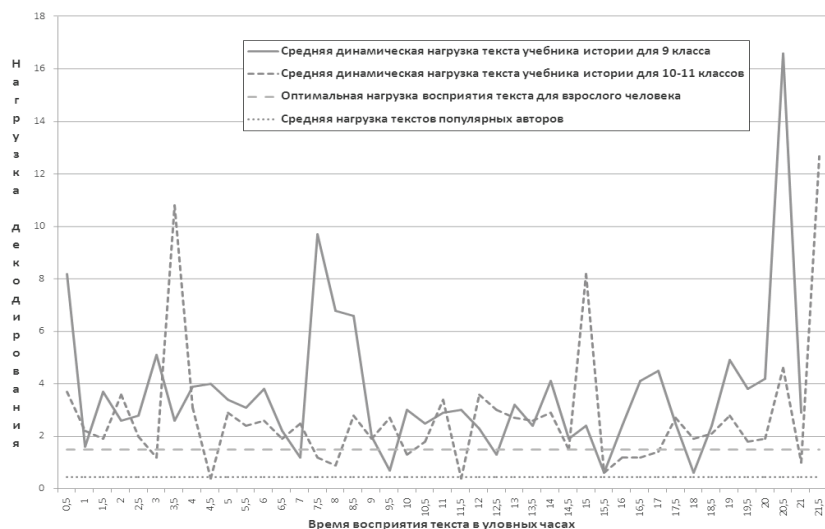

Рис. 3. Нагрузки кода речи учебников по истории для 9 и 11 классов.

А теперь попробуем ответить на вопрос: «Почему же значительная часть школьников учебники не читает, а воспринимает материал «на слух» на уроке или в процессе общения между собой?» Полагаем, ответ ясен...

Попробуем ответить и на второй вопрос: «Что делать?» На рисунке 4 показаны данные по учебнику литературы. Этот учебник написал известный автор, обладающий не только глубокими знаниями в области филологии, но и языковой интуицией. Как видно из графика, текст этого учебника на порядки легче предыдущих и является легким в восприятии.

И опять вопрос: «А можно ли все тексты школьных учебников привести к подобным идеальным параметрам, не изменяя их содержания?» Принципиально – да.

ЕСТЕСТВЕН ЕЗИК И ЛИТЕРАТУРА

Учитель русского языка и литературы Калиева Гульшат Уразбаевна
КГУ «Володарская средняя школа», Казахстан

ТЕКСТ АРХИТЕКТУРЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Полемика о понятии «текст» сегодня довольно актуальна. Интерес к локальным текстам вызван, по всей видимости, стремлением учёных осмыслить закономерности классической и современной литературы на новом уровне, с учётом достижений литературоведческой науки в исследовании теории текста, определении его границ и структуры.

При анализе архитектурных образов и мотивов нами были использованы ряд методических приемов, среди которых прием «оживления» и комментирования реалий текста. Он позволяет развернуть трехмерное пространство архитектурных текстов, увидеть за системой знаков и кодов определенный пласт культуры и национальный образ быта и Бытия.

Текст архитектуры как синкретический образ – это принципиально новый взгляд на проблему, позволяющий объединить в едином исследовательском поле весь материал. В стилевом отношении он соткан из таких элементов, которые одновременно могут являться элементами других аналогичных сверткестов. Текст архитектуры – не только литературный факт. Тексты, составляющие это сверткестовое образование, необходимо рассматривать в культурно-языковом контексте времени. Художественный текст, который мы рассматриваем как самостоятельный образ, – часть системы, в пределах которой каждый элемент получает дополнительные контекстуальные значения. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного рассмотрения текстов.

Исследование гипертекстовых структур является одним из приоритетных направлений современного литературоведения. В отечественной научной мысли сформирована устойчивая тенденция рассмотрения групп художественных произведений, объединенных по какому-то доминантному признаку, как единого сверткестового текста: это ставшие уже классическими работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова по петербургскому тексту русской литературы и Н.Е. Меднис по венецианскому тексту. Большое значение в настоящее время имеет культурологическое понятие текста, рассматривающее функционирование текста в связке «культура-текст». *Текст архитектуры – связанный знаковый комплекс, существующий в произведении как синкретический образ, обладающий собственными чертами характера, голосом, внешними отличиями, интерьером, влияющий на других героев, сюжет и идею и испытывающий влияние. Это опорное теоретическое определение.*

колданған. Ал Англияда 1777 ж. «blue repeater» яғни (= *blauer Wiederholer*) (аудармасы: көгілдір қайталаушы), соңғы сөзі өзгертілген «blue Peter», кеме капитандарын жинау үшін бұйрығы желмен қайталанып берілген. *Kөгілдір гүлдер* әскерге кетіп бара жатқандарға сыйланған. Матростардың киімінің түсі – көк: *die blauen Jungs* – матростар, *die Blaujacks* – матрос; теңізші [6].

Сонымен түр-түс фразеологизмдерін тақырыптық жағынан топтастырғанда: адамға байланысты, адамның сырт келбетін, психикалық-физиологиялық ерекшеліктерін, моральдық қалпын, іс-әрекетін, ойлау, сөйлеу қабілетін, туыстық қатынастарын, адамдар арасындағы өзара қарым-қатынасын, тән және жан қажеттіліктерін бейнелейтін тіркестер өте мол [7].

Түр мен түске байланысты тілдік бірліктер ұлт танымындағы түр-түс атауларының символикалық мәнін ашады [8], [9].

Әрбір халықтың ұлттық дүниетанымында қалыптасқан түр-түстік символдар арқылы сол халықтың мәдениетін, тарихын, салт-дәстүрін, менталитетін, мінезін тануға болады .

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Макеенко И.В. Лексико-семантическая структура систем цветообозначения в русском и английском языках. Учеб.-метод. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 52 с.

2. Розен Е. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М.: Просвещение, 1990. – 192 с.

3. Айтбаев Ә.А. Аудармадағы фразеологиялық құбылыс. Алматы: Ғылым, 1975. – 227 б.

4. Қайдаров Ә.Т., Өмірбеков Б., Ахтамбердиева З.Т. Сырға толы түр мен түс. Алматы: Қазақстан, 1986. –95 б.

5. Девкин В.Л. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Рус. яз., 1994. – 654 с.; Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Гос.издат. иностран. и национальн. словарей. –М., 1999.

6. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Гос.издат. иностран. и национальн. словарей, 1986. – 904 с.

7. Shara Mazhitaeva, Zhanar Kaskataeva. Lexical and symbolic meaning of some colors in Kazakh Language. //European Researcher. 2012, Vol. (32), №10–2. – P.1772-1175.

8. Shara Mazhitaeva, Zhanar Kaskataeva, Nadezhda Khan. Color Semantics in the Kazakh language: Linguo-Cultural aspect. // European Researcher, 2013, Vol.(50), № 5-3. -P.1454-1458.

9. Sh. Mazhitayeva, Zh. Talaspaeva, A. Tazhikeyeva A. Connotation of color namings in Kazakh language // European Researcher. International Multidisciplinary Journal. 2012, Vol. (25), №7. –С.1088-1091.

Русский язык настолько богат, что заменяя некоторые слова синонимами, любой текст можно привести к параметрам физиологической нормы без искажения его смысла. Однако неизвестно каким количеством специалистов подобного высокого уровня мы располагаем. Видимо объем необходимой работы будет большим, чем общие возможности подобных специалистов, даже если они объединятся, и будут решать только эту проблему. И сколько времени для этого потребуется?

Таблица 2

Нагрузки декодирования случайно отобранных из сети Интернет текстов школьных учебников

Название учебника	Средняя нагрузка декодирования текста учебника	Превышение нагрузки текста учебника над параметрами легкого (для взрослого человека) текста (1,5 %)	Превышение нагрузки текста учебника над параметрами текста популярного автора (0,44 %)
Учебник по биологии для 10-11 кл.	4,6	В 3,1 раза	В 10,5 раза
Учебник по физической географии для 10-11 кл.	5,9	В 3,9 раза	В 13,4 раза
Учебник по истории для 9 кл.	3,6	В 2,4 раза	В 8,9 раза
Учебник по истории для 10-11 кл.	2,7	В 1,8 раза	В 6,1 раза
Учебное пособие по истории для 1--11 кл.	5,8	В 3,9 раза	В 13,2 раза

По нашему глубокому убеждению, выход из создавшейся ситуации может быть только один – обучение специалистов соответствующих центров и учителей школ использованию программ кода речи. Однако, как показывает более чем пятилетний опыт преподавания психофизиологии кода речи в Московском институте открытого образования, низкая мотивация и уровень компьютерной грамотности практикующих педагогов позволяет научить их лишь основам использования простейших программ, которые определяют нагрузки восприятия, а следовательно, и отбора учебных текстов. До реальных процедур облегчения (модификации) текстов дело, как правило, за редким исключением, не доходит, несмотря на то, что все программы кода речи в использовании значительно проще, чем распространенный текстовый редактор «Word».

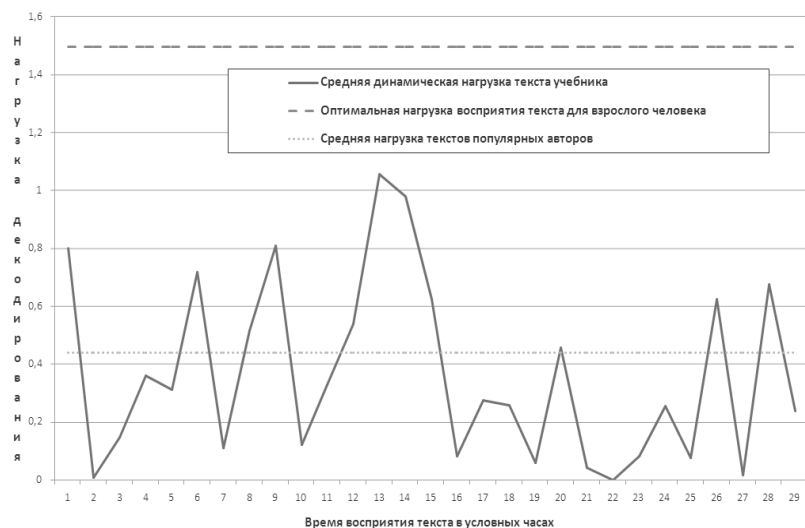

Рис. 4. Нагрузки кода речи учебного пособия по литературе для 10 класса.

Литература

1. Сайт «Библиотека фантастики»/ <http://www.fant-lib.ru/> Сайт «Лаборатория фантастики»/ <http://www.fantlab.ru/> Сайт «Проза.ру»/ <http://www.proza.ru/> Сайт «Самиздат.ру»/ <http://zhurnal.lib.ru/http://readrate.com/rus/news/10-samykh-chitaemykh-elektronnykh-avtorov>
2. Биркин А.А. Код речи. –Гиппократ: СПб, 2007. – 407 с.; Биркин А.А. Природа речи. – Ликбез: М., 2009. – 384 с.
3. Там же. С. 215–221.

К.ф.н. Самарова С.И.

Центр изучения иностранных языков, г. Уфа, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЯЗЫК КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЛИНГВОТЕОЛОГИИ

Религиозный язык и лингвотеология (или теолингвистика) тесно взаимосвязаны и играют важную роль в религии и церкви в качестве стимуляторов и стабилизаторов духовности, нравственности и морали в обществе, которое с каждым годом деградирует все сильнее и заметнее. Иными словами – религиозный

Қазақ мәдениетінде де көк түсін адамның тегімен байланыстырады: *Көгің кім?* (тегің кім?).

Неміс тіліндегі *grün und blau schlagen* тіркесі *көк ала қойдай сабау, қатты соққыға жығу* тіркестерімен мағынасы бір. Яғни адамның денесіне қатты соққы тисе, жарақаттанып, көгереді немесе ұрылған жері түрлі түске боялады: (қызарады, көгереді, қараяды, тіпті сарғаяды да). *Mit einem blauen Auge davonkommen* – көз көгеру (ауыр соққыдан оңай құтылу) жеңіл жарақаттану, аман қалу мағыналырын білдіреді. *blau ärgern* (орыс тілінде: посинеть от злости) *ашудан көгеру, қатты ашулану* немесе *blau frieren* (орыс тілінде: посинеть от холода) *суықтан көгеру* – қан қысымының жоғарлауы мен төмендеуі, бір сөзбен физиологиялық күйге байланысты мағынаны беретін *көк түс*.

Көздің түсіне байланысты *blau* (көк) түсі күнәсіздік, пәктілік, аңқаулық, тәжірибесіздіктің белгісі. Бұл немістердің, еуропалық халық ретінде көздерінің табиғи түсі көк болғандығымен байланысты, жаңа дүниеге келген нәрестенің көздері көк болғандықтан, сәбидің күнәсіз, пәктігімен теңелетін фразалар: *blauäugig sein* – сенгіш, аңқау, күнәсіз болу. Келемеж ретінде фраза *Man hat ihn (sie) nicht seiner (ihrer) schönen blauen Augen wegen genommen* (орыс тілінде: не за красивые глазки) – (*сөзбе-сөз*: әдемі көздері үшін емес) жайдан жай емес, құр босқа емес деген мағынаны береді.

Blau (көк) түсі мұң-сағынышты, адалдықты, сенімділікті, шексіздікті білдіреді. Көк түсі немістер үшін адалдық пен сенімділікпен байланысты. Алайда көк түсі үнемі бұл мағынада берілмеген. Германияда көк, көгілдір түсі тұрғындар мен теңізшілердің ежелгі дәстүр, олардың нанымдарында жағымсыз бейнені, мағынаны білдірген. Шайтандар, перілер, сиқыршылар мен елестер көк киімде келген. Егер көк алжапқыштағы әйелді кездестірсе, сол бақытсыздыққа ұшырайды, сонымен қатар терезенің жақтаулары көкке боялған үйде мыстан, жезтырнақ тұрады дегенге адамдар сенген. Сондықтан терезелерін көкке боямауға тырысқан, баласы болмай қалмасын деп, некелескендердің төсегіне *көк түсті киім бұйымын салмаған* [5].

Көгілдір түсі неміс тілінде ажал түсі де болып саналады. Дүниеден озған адамды көк мундирге, яғни киімге киіндіріп, табытына көк түсті матаның жыртысын салған.

Әр тілдің мәдениетінде фразеология айрықша орын алады. Фразеологиялық бірліктер салт-дәстүр, әдет-ғұрыптар, құндылықты кезеңдерді, көптеген құбылыстарды т.с.с. бекітіп, орын тапқан мәдениеттің жарқыншақтары сияқты тілімізде сақталып қалады. Мысалы, бұрынғы заманда жұмыстан шығарылған адамға көк түсті хат жіберіліп, сонымен хабарын жеткізген. Осыдан *einen blauen Brief bekommen* (жұмыстан шыққаны туралы хабарлама, баланың үлгерімі төмен туралы ата-анаға хабарлама-хат). *Der «Blaue Peter» – «Көгілдір Петер»*, әйгілі халықаралық белгі беретін жалауы, ол команданың кеменің бортына оралуына берілген бұйрықты білдіреді. Ежелден келе жатқан белгі беретін жалаулардың бірі *blaue Flagge* (көгілдір жалау) атауымен белгілі. XVIII ғ. басынан XIX ғ. басына дейін неміс теңізшілері

Қазақ тіліндегі «көк/көгілдір» түсі неміс тілінде бір ғана «blau» сөзіне сәйкес келеді. Сонымен қатар «dunkelblau» (көк, қара көк), «hellblau» (ашық көк, көгілдір) ретінде қолданылады. Көгілдір түсі жұбататын, жайландыратын, саябырландыратын түс болып саналады, көк түсі ауыр, түнеріңкі, тұрақсыз (көгілдір немесе қараға айналатын) түс ретінде қабылданады. Көк түсі жағымсыз эмоцияларды туғызады деп есептеледі. Біздің зерттеуімізде «көк түсі» компонентті антропономиялық мағынасы бар фразеологиялық бірліктер де қарастырылады.

Blau түсі белгісіз, беймәлім қиырдың түсін білдіреді, бұл мағынада *blaue Blume* қиялшылдар қолданысында немесе *blaues Licht* деген сөз тіркестерін қиссалар мен ертегілерден табуға болады. *Er traf genau das Himmelblau* мәтелінде де көрініс табады. Осы семантикалық аяға келетін фраза *ins Blaue hinein reden/handeln* – жоспарсыз, мақсатсыз, тәуекел әрекет ету/сөйлеу. Ал *eine Fahrt ins Blaue machen* тіркесі екі мағынаны білдіреді: 1. әлде-қайда мақсатсыз сапар; 2. сапардың ақырында ұлан-асыр ішімдікке ымдап шақыру [5].

Keine blaue Ahnung von etw. haben фразеологизмі бірдеме туралы титтей да түсінігі болмау, ештеңемен хабары жоқ – түсінбеушілік мағынасын береді. *Alyc, белгісіз, орындалмайтын* нәрсе туралы *blaue Schlösser bauen* (сөзбе-сөз: көгілдір сарайлар салу) тіркесінде айтылады [6].

Кейінірек неміс тілінде *blau* түсі алдау, арбау, жалған мағыналарын береді. Мысалы: *den blauen Mantel umhängen* – арбау, алдау, опасыздық жасау. Осыған ұқсас мағыналас фразалар *blau tragen* және *es ist nur eine Blaue* қолданылады. Осы семантикалық аяға *das Blaue vom Himmel herunter reden/lügen/schwindeln* – үнемі жалған, өтірік айту; *das Blaue vom Himmel herunter versprechen* – орындалмайтын істі немесе болмайтын нәрсені уәде ету; қолдан келмейтін істі уәделу (аспандағы айды алып беру). Алдау, өтірік айту мағыналары мына фразалардан да көреміз: *blauen Dunst reden/vormachen, einem Blaues vormachen, einen blau anlaufen lassen, jmdn. anlügen, daB er blau wird* [6].

Мысалы:

Kiss amüsiert sich in Kaffeehäusern, ...antichambriert hin und wieder bei Pierre Bonaparte, macht diesem einen blauen Dunst vor.... (K.Marx, Brief an Engels, 30.8.1852) – Кисс мейрамханада уақытты көңілді өткізуде....

Blau *Argumenten, blaue Enten* жалған әңгіме, бос әңгіме, «ертегі», сылтау, *sein blaues Wunder erleben* – қатты таң қалу және *Na, so blau!* – Сен де айтасың-ау! (Шындыққа күмәнданғаннан таңдану).

Аналитикалық тұлғадағы *blau sein* (сөзбе-сөз: көгеру) тіркесінде *мас болу*. Осы тіркестің этимологиясы фразаман байланысты: *es wurde ihm blau vor den Augen* – адамның есінен танайын деген күйі. Күшейтпелі мағынада *blau sein wie eine Strandhaubitze* немесе *blau sein wie ein (März-) Veilchen* – (удай) мас болу салыстырмасын көруге болады.

Келесі *blau* (көк) түсінің мағынасы қанның түсімен байланысты. Неміс тілінен испан тілінен енген *Blaues Blut haben* (орыс тілінде: У него голубая кровь. сөзбе-сөз: қаны көк) – ақсүйектікті, тектілікті, асылдылықты білдіреді.

язык и лингвотеология являются мощным оружием против разврата, лжи, пошлости, насилия и любого зла, т.к. прежде всего они должны нести чистоту, правду и благочестие. К сожалению, в современном языкознании до сих пор не принят единый термин «религиозный язык», который широко поддерживается на Западе, в частности, Ж.-П. ван Ноппэном («религиозный язык, христианский, религиозный дискурс») [2, с. 2-3]. Мы считаем этот термин наиболее нейтральным и концептуальнообобщенным и применимым в отношении всех этнических конфессий мира, который является логически мотивированным производным словом от общепризнанного концепта «религия». Кроме того, этот термин является исторически обоснованным, т.к. само языкознание как наука возникло благодаря потребностям теологии. Можно встретить большое многообразие релевантных обозначений и связанных с ним коррелятов: «язык сакрума, сакральный язык, культовый язык» (Здибика); «молитвенный язык» (Веклавски); «язык Церкви, религиозный дискурс» (В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин); «религиозно-проповеднический стиль» (Л.П.Крысин, И.М.Гольберг, С.А.Гостеева); «религиозный – субъективный стиль» (Й.Мистрик); «церковно-религиозный стиль» (И.А.Крылова, Г.В.Романова); «богослужбный стиль»; «литургический дискурс, исповедальный дискурс»; «религиозное употребление языка, духовная словесность, религиозная коммуникация» (Н.Н.Розанова) [цит по:2, с.2-3]; «религиозная коммуникация, богослужбный язык» [там же, с.1]; «язык религии», «язык веры», «конфессиональный стиль», «библейский стиль» [цит. по:3, с.287]; «религиозная составляющая» [1, с.1]; «каноническое, библейское пространство» [4, с.1]; «библейский язык, метафизический стиль, религиозная или духовная поэзия» [5, с.9]; («сакральная сфера, сакральный фрагмент, сакральность») [6, с.16-17]; «христианская картина мира, христианская лексика, религиозная лексика» [7, с.3,17]; «церковно-религиозный стиль» [цит. по:8, с.4]; «благочестивая лирика, метафизический стиль, метафизическая поэзия» [9, с.1,7]; «теологический дискурс, религиозный дискурс, религиозное клише, религиозная сфера коммуникации» [10, с.1,7]; «христианская культура, христианское наследие во фразеологии, библеизмы» [11, с.3,11]; «культурная символика на примере символа Бог» [12, с.1]; «церковная лексика, христианская лексика, церковная сфера, религиозная тематика» [13, с.3,16]; «церковно-религиозная лексика» [14, с.1]; «библейская символика, библейские обороты» [15, с.3,6]; «духовная жизнь человека» [16, с.50]; «эклезионим, агноним, иконим, зортоном» [17, с.2]; «жанр проповеди в институциональном дискурсе, библеизмы (библецизмы)» [18, с.3,7]; «язык религии, церковно-коммуникативная практика, богослужбное общение, религиозная коммуникация» [19, с.5-7]; «религиозный дискурс, религиозная речь, религиозный коммуникативный регистр» [20, с.3,19]; «религиозный дискурс, религиозная коммуникация, социолект христианской конфессии, проповедь как жанр институционального дискурса» [21, с.3-4]; «религиозный дискурс, проповеднический, религиозно-проповеднический дискурс, религиозный стиль» [9, с.2-4]. Некоторые

лингвисты употребляют наряду с понятием «религиозный стиль» термин «религиозный жанр» [21, с.20] или «церковно-дидактический, проповеднический жанр» [20, с.5-7]; «церковно-проповеднический, церковный стиль» [цит. по: 18: там же, с.6] в отношении церковного православного послания (Со Ын Ен), православной молитвы (О.А.Прохватилова) [цит. по: 22, с.3] и церковно-религиозной проповеди (Н.Ю.Ивойлова, К.А.Кузьмина, М.В.Аникушина, М.М. Савина, А.Г.-Б. Салахова). Безусловно, все перечисленные термины и их описательные корреляты нельзя назвать синонимами, что говорит об отсутствии единой четкой терминологии, но их объединяют концепты «язык и религия» и у них в некоторой степени различная функционально-смысловая направленность. Это также свидетельствует о смешанном, диффузно-синкретичном характере применения концептов «религия и церковь» в рамках культурологии, этики, антропологии, философии, этнографии, литературоведения, а также о тесной взаимосвязи последних с языкознанием, что подтверждает в настоящее время существование нового самостоятельного раздела лингвистики – теолингвистики, или лингвотеологии (термин автора – С.Ш.), к которой действительно начал проявляться немалый интерес за последние годы как в зарубежном, так и в отечественном языкознании. Теолингвистику (лингвотеологию) также можно рассматривать в качестве нового раздела и самого богословия. Все это время она незаслуженно пребывала в изгнании и забвении, хотя негласно всегда априори существовала как прародительница языкознания так же, как и религиозный язык не переставал существовать в качестве метафизического фона, будучи праязыком или метаязыком любого литературного национального языка. Религиозный, или благочестивый язык является метаязыком и главной, составной частью лингвотеологии (теолингвистики) – нового, независимого раздела языкознания и богословия, что значительно облегчает классификацию и унификацию релевантных терминов и концептов, позволяет избавиться от смешанного, диффузносинкретичного характера ранее перечисленных нами работ, причастных к различным смежным научным отраслям, а также эффективно и продуктивно систематизировать соответствующие научные исследования в рамках лингвотеологического направления. Достаточно длительное время латынь была для Западной Европы международным языком церкви и церковной науки. Латинское письмо стало применяться к германским языкам в результате введения христианства в тех странах, где утверждалось господство римской церкви, которое в противоположность греческой не допускала богослужения на местных (народных языках). Но латинский язык был не только языком церкви; он выступал и как официальный письменный язык в законах («правах»), грамотах и т.д. Например, в Англии в результате установления новой связи с Римом была введена латынь как церковный язык [24, с.54]. Не случайно лексика западноевропейских языков и соответственно древнегерманских языков изобилует латинизмами. До сих пор латынь осталась церковным языком у католиков. Подобную аналогию можно провести и с церковнославянским языком, на котором до сих пор ведется богослужение, например, в

зерттеулер де бар. Түс – күрделі құбылыс, оның әрбір халықтың тарихына, мәдениетіне, салт-дәстүріне байланысты өзінің ұлттық ерекшеліктері бар.

Түр-түстерді де көп ұлтты деп айтуға болады. Әр халықта түр-түс символикасы әр түрлі, әрбір халық белгілі бір түсті өзінше әр түрлі жағдаяттармен байланыстырады. Ғасырлар бойы неміс халқының мәдениетіндегі түр-түс символикасы көп өзгеріске ұшыраған жоқ.

Көк түсі қашанда қазақ халқы үшін биіктікті, тұрақтылықты, мәңгілікті аңғартады. Қазақ мәдениетінде көк түсі – тыныштық пен бірліктің, береке мен тірліктің белгісі. Түркі тектес халықтардың көк түсті киелі, қасиетті санауы – аспанға берілген тәңірлік сипаты. Аспанды көк деп атап, көк тәңірге табынған, көк бөрінің ұрпағы саналған түркі тектес халықтардың танымында аспанның түсі барлық осы түстес белгілерге атау ретінде берілген. Көк – тәңір сөзінің эквиваленті. Тәңір – дүние, тіршілік атаулының жаратушысы, Құдай. Көк түсі арқылы ең бір құдыретті де киелі қасиетін танытады. Сондықтан ол мықтылықты, жеңімпаздықты, рухы жоғарылықты, үстемдікті, пандықты білдіреді.

Жеті қат көк – шығыс астрономиясында жеті жұлдызға сәйкес: Ай, Меркурий, Шолпан, Күн, Қызыл жұлдыз (Марс), Мәштүри (Юпитер), Сатурн. Көк – жұлдыздар, шоқ жұлдыздар, планеталар, галактикалар орналасқан шексіз әлемнің, космостың, халықтың атауы. Көк – көне түркілік космоним [3].

Көк түсінің мағынасының көптігінің бір себебі – жалпы түркі халықтары ұзаққа дейін көк пен жасылды айырмай келгенінде. Қазақ халқында табиғаттағы көк түсі негізгі түс, бір-біріне жақын бірнеше реңктердің туындайтынын көруге болады (шөпке, өсімдікке, өсіп-өруге байланысты). Көк – символикалық жағынан тыныш шексіз теңізді, ұстамдылықты, ақшыл көк немесе көгілдір – үлкен сезімді, нәзіктікті, бейбітшілікті білдіреді.

М.Қашқаридің «Лұғатында» «көк» сөзі тек, ата тек ретінде алынған: «оның көгі кім?». Тілімізде «көгермегір», «көктемегір» – қарғыс сөздері, яғни ұрпағы, тегі жалғаспасын, өспесін мағынасында қалыптасқан.

Көк сөзінің бай атақты адамдарға қатысты қолданылатынын киім-кешек, қару-жаракқа байланысты атаулардан да байқауға болады. Тіліміздегі көк етікті, көк тонды деген тіркестер – басқалардан артық деген ұғымды береді[4].

Қазақ халқының ұлттық ою-өрнектерінің де, күмбездерінің де түсі көбінесе көк түсті. Осындай жағдайларға байланысты көк түстің де рәміздік мазмұны ерекше санаға ие.

Сол сияқты, **көк езу, көк ауыз, көк жалқау, көк долы, көк ми** т.б. тіркестер адамның мінез-құлқына, жеке басына қатысты жағымсыз мағынаны, ойсыздықты білдіреді. ... – *Құдай-ау, неткен көк мылжың?... (М.Ә., 284-б.) Көк мылжың* – сөзуар, көп, бет алды сөйлеу мағынасын береді.

Неміс тілінде де түр-түс атауларының уәждері алуан түрлі, қоршаған дүниенің тұстарына байланысты. «Түр-түс» компонентті фразеологизмдер адамның өмір сүру тіршілігін, оның өзара қарым-қатынасын, физиологиялық күйін сипаттайды.

Сонымен, сөзжасамдық тәсілдер арқылы белгілі қалыппен туынды мағыналар жасалып, туынды атаулар пайда болады, сөйтіп тіл дамиды, сөздік құрамның ауқымы кеңейеді.

Әдебиет

1. Шмелев Д.Н. Лексика современного русского языка. Москва, 1968.
2. Гак В.Г. Беседы о французском языке. Москва, 1966.
3. Аханов К.А. Тіл білімінің негіздері. Алматы, «Ана тілі», 1993.
4. Садықбеков Р. Проблемы многозначности слова в казахском языке. Алматы, 1973.
5. Болғанбаев Ә. Қазақ тілі лексикологиясы. Алматы, 1979.

**Каскатаева Ж.А., Мажитаева Ш., Ахметова Б.Б.,
Бейсенбаева Б.А., Болатбекова А.К.**

Е.А.Букетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

НЕМІС ТІЛІНДЕГІ КӨК ТҮС АТАУЛАРЫНЫҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ МАҒЫНАСЫ

Айналадағы қоршаған ортаны, аспан әлемін және де кез келген материалдық мәдениетке байланысты заттар, киім-кешек, құрал-жабдық, болмаса рухани мәдениетке қатысты салт-дәстүрді түр-түссіз қабылдау мүмкін емес. Онсыз оның болмыс-бітімі толыққанды болмайды. Сондықтан түр-түс – ұлт мәдениетін танытатын бірден-бір жол. Адам баласы өзін қоршаған табиғатты, өзін-өзі, қоғамдағы заттар мен құбылыстарды жан-жақты да терең танып-білудің көптеген тілдік қайнар көздері мен тәсілдеріне түр-түс әлемі де жатады.

Түр-түс атауларының лексикасы әр түрлі көзқараста: когнитивтік, семантикалық, әлеуметтік, психолингвистикалық, тарихи-салыстырмалы тұрғыда зерттелген. Осыған байланысты түр-түс атаулары бойынша ағылшын және орыс тілдеріне арналған культурологиялық бағыттағы зерттеген ғалымдардың А.Вежицкаяның, сонымен қатар В.Г.Гақтың, ағылшын және француз тілдеріндегі әмбебаптық сапалары мен ұлттық ерекшелігін табу жағынан И.В.Макеевның еңбегін, А.П.Журавлевтың түстің байланыстылығы мен дыбысталуын ашу бойынша зерттеу еңбектерін атауға болады [1]. Неміс тіліне келсек, түр-түс атауларына байланысты еңбектер соншалықты көп емес. Көбінесе түр-түс бірлігінің этимологиялық шығу кезеңдері, немесе қазіргі түр-түстік лексикасының орнының лексикалық жүйедегі басқа лексикалық біркелкі топтарына қатынасы зерттелген (К.-D.Ludwig, E.Wittmers, E.B.Розен т.б.) [2].

Түр-түстер атауларының құрылымдық және сөзжасамдық ерекшеліктерін, семантикалық, стилистикалық және функционалдық белгілерін қарастырған

православии. Можно сказать, что вплоть до 17 века в Европе официальным правящим языком являлся церковный язык и только в начале 17 века в Венецианской республике светские власти значительно ограничили церковную власть и изменили положение религии и церкви в обществе. Постепенно подобная тенденция распространилась во всем мире наряду с неуклонным ростом секуляризации общества [25, с.438]. Соответственно стала ослабевать и роль церковно-религиозного языка с постепенным его вытеснением из центра на периферию, а вместе с ним и всей церковно-религиозной литературы. Вряд ли можно использовать термины социолект, социальный диалект или вариант, религиолект, подъязык или дискурс в отношении выражения религиозной языковой картины мира, которая уже давно представляет собой исторически сложившуюся комплексную, автономную систему языковых средств и связей в силу культурно-исторических факторов господствующего положения религии и церкви в обществе (вся литература и культура носила исключительно церковно-религиозный характер и, конечно же, это был язык, а не какая-то его разновидность в виде диалекта или варианта и не дискурс, или подъязык). Еще одним аргументом того, что термины религиолект или социальный вариант весьма неудачны и некорректны, является тот факт, что природа диалектов очень размыта и неустойчива, расплывчата и динамична, что подтверждается также и этимологией самого слова диалект (от греч. dialektos – разговор, говор, наречие). Насколько быстро они могут появляться в языковой системе того или иного народа, настолько же быстро они могут и исчезать (либо навсегда уходят из употребления, либо сливаются с другими диалектами и образуют единый национальный литературный язык с каким-либо доминирующим в нем диалектом). Например, в древнеанглийском языке «сохранилось очень мало ранних текстов с отчетливой диалектной локацией, а в поздних списках исконные диалектные черты могли быть затемнены исправлениями, внесенными переписчиками. Как указывает Г.Уайльд, в большинстве из дошедших до нас важных древнеанглийских памятников преобладают уэссекские элементы, хотя часто эти документы демонстрируют смесь из различных диалектных источников» [цит. по: 26, с.8]. Вся история развития и формирования английского национального литературного языка свидетельствует о его весьма диффузном и неустойчивом характере взаимодействия с социальными и территориальными диалектами, что говорит о том, что язык и диалект – совершенно разные единицы. В силу глубокого фидеизма (веры в Бога) древних англосаксов все письменные манускрипты в основном носят религиозный, церковно-просветительский характер и поэтому национальный литературный язык англосаксов можно считать религиозным или церковно-религиозным языком.

Литература

1. Андреева Т.Л. Выражение религиозной составляющей национального самосознания: сравнительно-сопоставительный анализ лексической семантики на материале английского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2007. -23 с.

2. Бугаева И.В. Религиозная коммуникация-URL: <http://www.bibliofond.ru/viewx?id=124925>. Дата обращения: 2.04.11г.
3. Van Noppen Jean-Pierre. From Theolinguistics to Critical Theolinguistics: the Case for Communicative Probitiy –URL: <http://www.jpvnoppen.tk>. Дата обращения: 1.07.11г.
4. Гадомский А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание //Учен. зап. Таврического нац. ун-та. Том 20 (59), № 1. Филология. Симферополь, 2007. – С.287 -292.
- 5.Москалюк О.С. Структурные и семантические особенности канонического пространства и его интертекстуальная адаптивность: автореф. дис... канд.филол.наук. Барнаул, 2004.19 с.
- 6.Егорова Л.В. Английская библия и становление стиля метафизической поэзии – URL:<http://www.dissercat.com/content/angliiskaya-bibliya-i-stanovlenie-stilya-metafiziche...> Дата обращения: 14.06.11г.
- 7.Янушкевич И.Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры: автореф. дис.... д-ра филол.наук. Волгоград, 2009. – 48 с.
- 8.Слаутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского яз: автореф. дис.... канд.филол. наук. Екатеринбург, 2006. – 18 с.
- 9.Кузьмина К.А. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра – URL:<http://www.dissercat.com/content/strukturnye-i-yazykovye-osobennosti-proповеди-ka...> Дата обращения: 11.06.11г.
- 10.Магомедова И.И. «Благочестивая» лирика Джона Донна в интеллектуальном и поэтическом контексте -URL:<http://www.dissercat.com/content/blagochestivaya-lirika-dzhona-donna-v-intellektual...> Дата обращения: 14.06.11г.
- 11.Романченко Ю.В. Лингвопрагматический аспект немецкоязычного теологического дискурса – URL:<http://www.dissercat.com/content/lingvopragsmaticheskii-aspect-nemetsko-yazychnogo...> Дата обращения: 12.06.11г.
- 12.Чикина Е.Е. Английские и немецкие фразеологизмы в аспекте христианской культуры: автореф. дис.... канд.филол.наук. Владимир, 2001. – 20 с.
- 13.Алексеева Е.А. Семантические особенности лексики, связанной с обозначением объектов культурной символики (на примере символа Бог в русской и французской лингвокультурах)- URL:<http://www.sgu.ru/faculties/philological/departments/romaine/lalibrrie/docs/autorft>. Дата обращения: 11.06.11г.
- 14.Петухова М.Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореф. дис.... канд.филол.наук. Казань, 2003. – 24 с.
- 15.Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис.... канд.филол.наук. Воронеж, 2003. – 24 с.
- 16.Мендельсон В.А. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском и русском яз: автореф. дис... канд.филол.наук. Казань, 2002.-18 с.

- Мысалы: көне түркі тіліндегі «ен», «ін», «үн» сөздерінің мағыналарын салыстыралық:
- Ен-1. ширина. 2. низ, спуск. 3. сходить
 Ін-нора, берлога, лежбище
 Үн- пробивать, отверстие, сверлить
 Түбірлер мағынасындағы ортақ сема – төменге ену, кіру, үңгу.
 Осы ортақ сема тілдің ең көне даму кезеңінде көпмағыналылық сипатта болған. Ен, ін, үн – түбірлерінің архитұлғасын А.м.Щербак «ен» деп белгіленген. Олай болса, архитұлға «ан», «ен», архисема – төменге қарай бағытталу, ену, кіру, үңгі т.б. болады.
- Көпмағыналылық сипаты мынадай:
 - Жәндіктің жерді қазып төменге енуі.
 - Терең қазылған жер, орын.
 - Белгілі нысананы тесу, үңгу.
 - Белгілі объектіні тесу, үңгуден жасалған қуыс.
 - Ішкі қуыстығы мен қызмет ұқсастығы арқылы жасалған басқа әртүрлі қуыс атауы.
- Көрсетілген мағыналар осылайша көпмағынада жұмсала жүріп, бірте-бірте туынды мағыналарға ие болған, сөйтіп номинативті белгілер арқылы ерекше сема орныққан.
- Тарихи аспектіден қарастырғанда, көпмағыналылық тек конверсия арқылы, яғни тұлғалық бірлік пен семалық ерекшелік сипатында ғана емес, дыбыстық алмасулар мен сәйкестіктер негізінде де пайда болады. Айталық, жой-жоқ, той-тоқ, бау-бақ, жай-жаз т.б. сияқты туынды сөздердің сөзжасамдық жұптарының негіздеуші себептері ортақ мағынасы жақын. Сөздердің екіншілік туынды мағынасы фонетикалық-семантикалық тәсіл негізінде пайда болып, алдымен көпмағыналылық сипат алған. Әуелде бір кең мағынада жұмсалған этимон түбір дами келе, әртүрлі айырушы семаларға жіктелген. –И, -у сына дыбыстарының әмбебаптық қызметі негізінде, ерекше тұлғалар пайда болып, өзгеше сема қалыптасады. Қызметтік даму барысында –и, -у –дың сөзжасамдық қызметі қалыптасып, көптеген тұлғалардың мағыналық жіктелуін туғызған. Яғни, -й сына дыбысы тілдің тарихи дамуында тек сөздің тұлғасын ғана өзгертпей, сонымен бірге сөздің кі мағыналық құрылымына да өзгешелік сипат берген. Сөз мағынасының жіктелуін белгілеуші таңба ретінде қызмет тұлғалық өзгеріс түбірдің мағыналық жағынан сараланып, жіктелуімен қатар жүретін құбылыс, сондықтан контексте әртүрлі мағынада жұмсалып, әртүрлі сөз табының мүшесі ретінде арнайы грамматикалық тұлғаларымен түрленуіне себеп болады. «Жой» – объектінің жоқ болуы, жойылуы жайындағы процесті көрсететін, іс-әрекеттік семаны білдіретін етістік. «Жоқ» объектінің жоқ екендігін, жойылғандығын білдіретін «жой» процесінің нәтижесін білдіретін зат есім. Айырушы сема әуелгі «жо» түбірінің өзек семасы арқылы негізделіп, өзіндік ерекше мәнге ие болған.

Тарихи тұлғада көпмағыналылық пен сөзжасамдық процесс бір-бірімен тығыз байланыста, қарым-қатынаста болатын құбылыстар. Көпмағыналылық сөз мағынасының бірте-бірте жіктеліп, саралануына жағдай жасап, жаңа сөз тууының алғашқы баспалдағы болады. Бір тұлғалық жамылғыштағы сөздің ұқсас заттар мен құбылыстардың белгісі мен қасиетін, сапасын атау жұмсалыуы қабілеті, кейін ол сөздің жаңа мағынаға орнығып, номинативті мағыналы туынды сөз ретінде қолданылуына алып келеді. Сөздің мұндай мағыналық дамуы – конверсия жемісі болып табылады.

Айталық, қазіргі түркі тілдеріндегі «үй»- «үй» сөзінің беретін мағыналары: «үй» – зат есім, адам тұратын, мекендейтін баспана «үй» – етістік, затты, бір нәрсені бір жерге төбе қылып жинау, топтау. Осы негізгі мағыналар арқылы бірнеше көпмағыналы семалар қалыптасқан. Көрсетілген негізгі семалардың қалыптасу жолы күрделі, бір-бірінен жақын, бір өзек сема арқылы туындап дамыған. Мұнда, ең алдымен, уақыт факторын ескерген орынды, яғни мағыналардың заттық, қимылдық мағыналарының жіктелуі негізінен уақыт аралығында қалыптасқан адам танымына байланысты. «Үй» – үйілу, жиылу мағынасы арқылы, үй-үй-үйілу, жүк т.б. семаларында көпмағыналылық сипатта жіктеле келе, номинативтік ерекше мағынаға орныққан деп пайымдаймыз. Үй сөзінің – баспана мағынасы ут, уд, уз (йуз, жүз, жұрт, отан, ошақ) түбірінен жасалған. Алғашқы мағынасы «көп», «көпшілік» дегенді білдірген. Тілімізде сақталған көне тұлғалар – «там, дын, еб (ey), дом» тәрізді «үй» сөзінің тарихы да тереңде жатыр.

Бір нәрсені бір жерге жиып, көбейту семасының көрінісі – «үй» етістігі. Мысалы: «жылқы үйірі», «үйлену», «үйір болу» т.б. Алғашқы ортақ мағынаның жіктеліп зат есім мен етістік тұлғаларында өмір сүруі көпмағыналылықтың нәтижесі. Әр түрлі сөздердің «үй» таңбасы арқылы таңбалануының себебі заттардың ішкі мазмұнының ұқсастығынан деп түсінуге болады.

Жалпы мағыналылықтан жеке лексемаға айналу үшін мынадай факторлар қажет болады:

1) Сыртқы факторлар: Адам танымында жаңадан танылған затқа атау беруде ұқсас, бір-біріне жақын келетін зат атауларын пайдалану реті.

- Уақыт ішінде танымның даму сипаты.

2) Ішкі тілдік фактор: Жақын, шектес, ұқсас ұғымдардың аталуы – көпмағыналылықтың негізінде іске асырылады.

- Көпмағыналылық бірте-бірте жеке номинативті мағынаның тууына себеп болады.

Көпмағыналы сөздердің жеке лексемаға айналуы сөзжасамдық процесс нәтижесінде іске асатын тарихи күрделі құбылыс. Сөздердің ішкі мағыналық дамуы мен сапалық өзгерісінің табиғатын тұлғалық жағынан дараламай-ақ ішкі мағыналық саралануын пайымдау үшін, сөздің ішкі семантикалық құрылымын толық зерттеу қажет. Сонда тұлғалас сөздердің арнайы семаларындағы ерекшелік пен өзек семаларындағы ортақтық арқылы семантикалық дамуды бағалауға болады.

17. Яковенко Е.Б. Сердце, душа, дух в английской и немецкой языковых картинах мира//Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. – С.39 -51.

18. Аринина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте – URL: <http://www.disszakaz.com/catalog/soderzhatelnoe-i-strukturnoe-svoeobrazie-russkih...> Дата обращения: 12.06.11г.

19. Боллигер Е.И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур- URL: <http://www.dissercat.com/content/sopostavlenie-ispolzovaniya...> Дата обращения: 01.07.11г.

20. Савина М.М. Синтаксис проповедей русских священников XVIII -XIX веков – URL: <http://www.dissercat.com/content/sintaksis-propovedei-russkikh-svyashchennikov-XVIII...> Дата обращения: 11.06.11г.

21. Аникушина М.В. Когнитивные особенности современной англоязычной христианской проповеди: автореф. дис... канд. филол. наук. Белгород, 2010. – 20 с.

22. Салахова А. Г.-Б. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях- URL: <http://www.dissercat.com/content/rechevye-strategii-i-sredstva-ikh-realizatsii--sovre...> Дата обращения: 13.06.11г.

23. Ивойлова Н.Ю. Строй текста современной христианской проповеди (на материале английского языка): автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003.- 17 с.

24. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык.-М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1955 – 318 с.

25. Лебедев В.Ю., Викторов В.Ю. Религиоведение.- М.: Юрайт, 2011 – 492 с.

26. Ярцева В.Н. История английского литературного языка 9 -15 вв. – М.: Наука, 1985 – 247 с.

Старший преподаватель Салей Елена Владимировна

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ УМЕНИЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Разговорная речь состоит из большого количества различных по форме предложений. Это многообразие форм строится по определенным образцам и формам. Диалогическая речь характеризуется эмоциональностью, отсюда и происходит многообразие форм и многообразие типов односоставных предложений, которые употребляются в диалогической речи. В диалогической и в эмоционально окрашенной монологической речи односоставные предложения могут

употребляться изолированно, как простые предложения, а также в составе сложных предложений.

Адъективное односоставное предложение входит в состав сложного с подчинительным характером связи составных частей, образуя сложноподчиненное предложение: *Pleased to find that nothing has changed*. Особенностью данной структуры является препозиция адъективной части, которая соединяется с двусоставной частью синдетическим и асиндетическим способами [1].

На лексико-семантическом уровне выделяются три группы предложений. К первой относятся предложения, в которых употребляются имена прилагательные типа «*sorry*», «*glad*», «*pleased*» и др., например: *Glad, you think so. Sorry, I'm late*.

Эти предложения можно соотнести с предложениями типа: *I'm glad/sorry/happy/afraid*. Имя прилагательное характеризует здесь душевное состояние субъекта и имеет субъективно-предикативное значение. Такие предложения употребляются в основном в разговорной речи. Они показывают отношение говорящего, его чувства в связи с действиями или состоянием другого лица, сложившейся ситуацией, которые передаются в подчиненном предложении. Данные предложения употребляются от первого лица, от лица говорящего. В двусоставных предложениях возможны сочетания с любым местоимением: *She is happy. We are astonished*.

Вопросительные предложения этого типа воспринимаются как относящиеся ко второму лицу, например: *Sure you enjoy your staying here?* В таких предложениях говорящий интересуется характером эмоционального и душевного состояния собеседника, его отношением к сообщению, сделанному в подчиненной части.

Адъективная часть таких сложных предложений представляет собой нераспространенное предложение, состоящее из одного имени прилагательного. Иногда прилагательное употребляется с наречием, придающим экспрессивность значению, которое имеет прилагательное: *So glad you have visited us*.

Во многих случаях инфинитив распространяет прилагательное: *Sorry to inform your application has been rejected*. Предложения такого типа могут содержать обращения: *Sure, darling, you have come on time*.

Предложения с адъективной частью, выраженной прилагательными «*sorry*», «*glad*», «*happy*», являются независимыми предложениями. Это стереотипные формулы общения.

Ко второй группе относятся адъективные сложные предложения, в которых главный член обозначен именем прилагательным типа «*odd*», «*strange*», «*famous*». Имена прилагательные этой группы выражают оценку действия, состояния или события, о котором сообщается в подчиненной части. Эта оценка имеет общий характер и не относится к какому-либо лицу: *Strange we seem to have met before. Funny I couldn't have said anything of that kind*.

Предложения с адъективной частью, выраженной модально-оценочным прилагательным, которое имеет значение возможности или невозможности действия, передаваемого подчиненной частью, встречаются реже. Это предложения

Жаманбаева А.С., Молдабаева А.А.

М.Х.Дулати атындағы Тараз мемлекеттік университеті, Қазақстан

ТУЫНДЫ СӨЗДІҢ МАҒЫНАЛЫҚ ДАМУ СИПАТЫ

Әртүрлі заттың әртүрлі белгілерінің ұқсастығы арқылы көпмағыналылық туындап, бір денотаттың қарама-қарсы белгілерін анықтау нәтижесінде антонимдік сипаттағы туынды сөздер жасалады.

Көпмағыналылық – адам танымы дамуының кешенді қалпын көрсететін құбылыс. Адамның қоғамдағы қызметі мен еңбек жолындағы қызметі нәтижесінде жасалатын таным – түсінігінің көрінісі ретінде туындайтын ұғымдық атаулар көпмағыналы сөздер арқылы таңбалаынады. Зат пен құбылыстың ұқсастығы мен қызметтік жақындығы, сөздердің мағыналық дамуды туғызып, бір дыбыстық жамылғыш негізінде бірнеше ұғымдарды атауға негіз болады. Бір тұлғаның бірнеше мағынаны иеленуі, сөз мағынасының алуан түрлі қырлануы, сөзжасамның ең тиімді тәсілі ретінде бағаланады.

Тіл білімінде көпмағыналылық пен сөзжасамның қатынасы туралы мәселе әртүрлі сипатта зерттелген. Дж. Лайонз көпмағыналылықты сөзжасамдық құбылысы ретінде қарастырып, жаңа сөз жасаудағы рөлін анықтаған.

Д.Н.Шмелев көпмағыналылықты лексикалық аспектіден зерттей келе, семантикалық жағынан сөзжасамдық мағына беретінін ескертіп, тұлғалық жағынан сөзжасамнан бөлек деп пайымдайды.

В.Г.Гак көпмағыналылықты семантикалық конверсия ретінде қарастырып, сөздің тура және ауыспалы мағынада келуін көпмағыналылық арқылы жаңа сөз тууы деп түсіндіреді.

Қазақ тіл білімінде К.Аханов көпмағыналылық туралы теориялық мәселелерді қарастырып келіп, мынадай пікір айтады: «Сөз негізгі мағынасынан басқа туынды мағыналарға ие болып, әртүрлі мағыналарда қолданылуға икем келеді».

Көпмағыналылықты арнай зерттеген ғалым Р.Садықбеков мағыналылық құрылымы мен сөз жасаушылық қызметіне талдау жасай отырып былай жазады: «Полисемия – это развитие значения слова, приобретением семантически связанных между собой разных изводных значений, это его смысловое пополнение». Көпмағыналылық арқылы туынды мағыналар жасалатынын бағамдайды.

Ә. Болғанбаев көпмағыналылықты «сөздің сапа жағынан шыққандығын көрсететін бірден-бір белгі ретінде қарастыра отырып, сөздік қордағы сөздердің алғашқы мағыналары пайда болған кезінде аз мағыналы болып, кейін бірнеше туынды қосымша мағыналар қосылған» деген дұрыс пайымдаулар жасайды.

Көпмағыналылықтың пайда болуының негізгі себебі – адам танымының өсуі арқылы табиғаттағы заттар мен құбылыстардың ұқсас белгілері мен қасиетінің атауын бір-бірімен байланыстыра, шендестіре, салыстыра, теңей атауы.

Пломондон әуендері аса танымал.Егер мен қателеспесем,ол бірнеше музыкльдерге күлкілі әуендер жазған./

•**Jacques** Vous avez **absolument** raison. Toutes ses comédies musicales sont **très** populaires en France et en Europe./Сіз өте турашыл адамсыз.Оның музыкльдері Францияға және бүкіл Еуропаға өте белгілі./

•**Nina** Je l'ai entendu. En Russie les comédies musicales deviennent de plus en plus populaires. Certaines comédies étaient écrites par les compositeurs et les dramaturges russes. Mais cette comédie musicale française était superbe./Мен бұл туралы естіп жүрмін.Ресейде бұл музыкльдер бірте-бірте асқан танымалдылыққа айналды..Бұлардың кейбіреулерін орыс драматургтері мен композиторлары жазған.Ал осы француз музыкльы аса ғажайып десек артық емес./

• **Jacques** Enchanté qu'elle vous a plu./Сізге ұнағанына өте ризамын./

•**Nina** Merci beaucoup pour ce soir. Mon mari est

•enchanté aussi de cette comédie./Бүгінгі кеш үшін ризалығымды білдіремін.Бүгінгі көріністен жолдасым да зор әсер алды./

•**Jacques** Je suis heureux, Madame./Өте ризамын, ханым./ /4,75/

Берілген сұхбаттағы қарамен терілген/très, aussi/,өте, аса,тым/ қазақ-француз тілдеріндегі сөздер бағалауды күшейтіп, мағына үстеген.Диалогтегі /beaucoup/ қалып сөзі де бағалау мәнін үстеп тұр. Яғни ,бағалау сөздерінің мағынасы үстеулер,қалып сөздері арқылы күшейіп,бағалау шкаласы өсіп тұр.

Халықтың когнитивтік тәжірибесінің қалыптасуына әсер ететін ұлттық тілдің концептерісі ұлттың мәдениетімен,дінімен,тарихымен,салт-дәстүрімен тығыз байланысты болса,индивидуалдық концептерістер отбасының,әлеуметтік ортаның т.б.концептерістерімен етене байланысты болады.Адамның индивидуалдық мәдени тәжірибесі,білімі,біліктілігі т.б.яғни,адамның барлық когнитивтік тәжірибесі оның концептерісіне кіреді.

Әдебиеттер:

1 Кубрякова Е.С.Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков//Вопросы филологии.2001.№1(7)

2 Қайдар.Ә.Т.Тіл білімінің өзекті мәселелері.Алтаты.1998.314б.

3 Бақытов А.Т. «Француз-қазақ тілдеріндегі бағалай сөйлеудің ұлттық мәдени ерекшеліктері»Алматы,2005ж.Авторыферат.канд.дисс.,

4 Петрова Л.М.Французский за 42 дня.-М.;Филоматис,2005.-224с-/Серия «Филология»/

с отрицательным именем прилагательным «impossible»: Impossible to believe but it took us half an hour to get to the station. Это объясняется тем, что отрицательное имя прилагательное ближе всего к объективному и обобщенному значению невозможности, выражаемому безотносительно к какому-либо лицу, а положительное модальное значение возможности и необходимости характерно для личных предложений с модальными глаголами или двусоставным предложениям типа «It's necessary», «It's possible» [1].

Предложения второй группы в плане построения похожи на двусоставные безличные предложения типа «It's strange», «It's impossible», поэтому могут рассматриваться как их стилистические варианты.

Предложения второй группы – независимые предложения. Их главная часть может быть нераспространенным предложением. Иногда в таких предложениях употребляются наречия меры и степени: Too bad David hasn't come. So strange Mary isn't here. Предложно-именное сочетание также может участвовать в распространении главного предложения: Lucky for you that nobody has noticed your leaving.

К третьей группе адекватных сложных предложений относятся предложения, в которых имя прилагательное не имеет субъектно-предикативного значения и модально-оценочного оттенка. Особенность таких предложений состоит в том, что это контекстуальные предложения, грамматическая зависимость которых проявляется в двух аспектах: 1- в параллелизме структур данного предложения и предшествующего ему предложения, иногда с лексическим повтором: He was free. Free to go wherever he likes.; 2 – в наличии в предшествующем предложении антецедента: Liz felt herself uneasy in the presence of such a noble society. Different from her own surroundings [2].

Т. о., характер структуры и лексическое наполнение предложений третьей группы обусловлены структурой и семантикой предшествующего предложения. Все предложения этой группы контекстуальны. Их основное значение – уточнение, повторение предшествующего высказывания, поэтому адекватная часть этих предложений представляет собой распространенное предложение, где главный член распространяется за счет предложных сочетаний, наречий меры и степени: It's a rather large house. Much bigger and more comfortable than little Jack has ever lived.

Адекватные сложные предложения могут начинаться с предложения «How strange, that...» Например: How strange that he had done it. Формальным признаком здесь служит восклицательное but и соответствующая интонация. В письменной речи такие предложения оформляются восклицательным знаком.

Адекватное односоставное предложение может входить в состав сложного предложения, части такого предложения соединяются при помощи сочинительной связи. Чаще всего это контекстуальные предложения: Only his niece changed. A bit taller, more beautiful, very shy and quiet but it made her even more attractive.

Наиболее распространенным типом независимых предложений является разговорная формула «sorry, but»: Sorry, but I don't quite understand your decision.

Адъективная часть может быть нераспространенным предложением, но может распространяться за счет наречия или инфинитива: Sorry to leave you but I have to hurry.

Союз but с противительно-разграничительным значением соединяет части подобных сложных предложений. Иногда вторая часть присоединяется асиндетически, в этом случае она употребляется со значением присоединения, пояснения, сообщения дополнительных сведений: He is filling ill. Worse than he could be: he's constantly coughing and sneezing, his cheeks are flushing, his nose is running.

Т. о., можно сделать вывод, что сложные предложения с адъективной частью делятся на две группы: независимые и контекстуальные. Независимые предложения на лексико-семантическом уровне имеют две подгруппы: предложения с прилагательным, выражающим душевное состояние говорящего (happy, sorry, etc.) и предложения с прилагательным, имеющим безличный оценочный характер (strange, curious, etc.).

Независимые предложения употребляются в речи как установившаяся норма общения и имеют большую эмоциональную выразительность.

Литература:

1. Грызулина А. П. Практикум по грамматике английского языка. М., 1999.
2. Каушанская В. П. Практическая грамматика английского языка. М., 2000.

К.ф.н. Шингарева М.Ю., магистрант Чучуладзе М.И.
Региональный социально-инновационный университет

PRINCIPLES OF CONVERSATION ANALYSIS

Among many social activities that human beings conduct every day, conversation is the one with highest significance. Through conversation, or more generally in talk-in-interaction, we as human beings are involved in an exchange of thoughts, ideas and emotions. When we talk, we travel in a world beyond language where we tend to be cognitively and socially connected with other human beings. Conversation, thus, has unique complexities governed by a set of rules and practices bound with our linguistics, cognitive and social competencies. Attractive enough, many researchers from different disciplines have tried to tackle the complexities of conversation. Among many other perspectives on this matter, conversation analysis (CA) emerged to do the analysis of the conversation, which dates back almost half a century ago.

«Study of talk» is probably the simplest way of defining the CA (Hutchby and Wooffitt, 2008: 1). However, the study of «a bit of a world» is not an easy task. According to Sidnell (2010) every bit of talk has a unique character since it is «a product of several organizations which operate concurrently and intersect in the utterance»

ережелер жүйесін меңгеруді талап етеді. Әлеуметтік-мәдени біліктілік адамға әр түрлі коммуникативтік жағдаяттарда сөйлеу актілерін белгілі бір ұлттың әнгімелесу ережелері мен әдептілік нормаларына сүйене отырып, жүзеге асыруына септігін тигізеді. [1,137] Осы ретте, француз және қазақ тілдеріндегі жағымды және жағымсыз эмоцияны білдіретін одағайлар, жағымды және жағымсыз бағалауды білдіретін сөздер мен сөйлесімдердің эмоционалды қызметіне тоқталуды жөн көрдік.

Эмоция құбылысты немесе оның қасиеттерін бейнелемейді, оның индивид үшін мәнін білдіреді. Индивид құбылысқа өз қажетіне байланысты көзқарасын білдіреді. Эмоцияның пайда болуына адамның қабылдауы, физиологиялық реакциясы, сөйлеуі қатысады. Бағаның жақсы/жаман деген жалпы бағалау стандарты болатыны сияқты эмоцияның қабылдау/қабылдамау деген жалпы эмоционалды стандарты бар. [2,102]

Бағалаудың негізінде эмоция жатыр. Эмоция когнитивтік қызметтен туындайды, себебі қоршаған ортаны, әлемді қабылдау, танып білу когнитивтік үдеріс, осы үдеріс барысында жағымды, жағымсыз эмоция туындайды. Индивидтің қажет етушілігімен заттың шын болмысы сәйкес келсе, адамда жағымды эмоционалды реакция пайда болады. Адамның қалауымен заттың шын болмысы сай келмесе, адамда жағымсыз эмоционалды реакция болады. Эмоцияның таза белгілері – лексиканың ерекше қабатын құрайтын одағай болып табылады. [3,98] Қазақ тіл білімінде одағайларды бірнеше топқа бөлген Ш.Ш. Сарыбаевтың еңбегі белгілі. Француз тіліндегі одағайлардың классификациясы Е. Кордидің еңбегінен алынды. Материалдық және рухани мәдениеттің ұлттық сипаты тілде көрініс табатынын тіл мен мәдениеттің өзара қатынасын ғылыми теориялық деңгейде алғаш зерттеген В. фон Гумбольдтың еңбектерінен білеміз. А.А. Ивин бағаның 4 компонентін анықтаған: 1 баға субъектісі-бағалаушы адам; 2 баға объектсі-бағаланған зат, нәрсе, адам т.б.; 3 баға сипаты; 4 баға себебі. М.К. Мурзағалиева бағаның осы төрт компонентіне тағы екеуін қосады: бағалау қатынасы және баға нормасы.

Француз, қазақ тілдерінде де бағалау сын есімінің мағынасын үстеулер арқылы күшейтуге болады, сөйтіп бағалау шкаласы не кемиді, не өседі. Бұған мысалдарды қазақ-француз тілдері диалогтерінен келтірейік:

• *VOTRE IMPRESSION/СІЗДІҢ ӘСЕРІҢІЗ/*

• **Nina** C'était super! Cette comédie musicale m'a

beaucoup impressionnée. Mais la fin était inattendue./Бұл ғажап! Маған мюзикл өте ұнады. Бірақ соңы **тым** оқыс аяқталды/

• **Jacques** Cette comédie musicale est **très** populaire ici.

Elle va à Paris depuis quelques ans. Mais le théâtre est comblé chaque soir./Бұл мюзикл көпшілікке **өте** танымал. Бұл Парижде бірнеше айлар бойы жүріп жатыр. Ал театрдың ішінде, әр кеште ине шаншар жер жоқ./

• **Nina** La musique de Plamondon est **très** populaire aussi en Russie. Si je ne trompe pas, il a écrit la musique pour quelques comédies musicales./Ресейде де

хранились и традиционные архаичные черты, и появились инновационные показатели, вследствие чего сивухский говор обособился. Сильное влияние на лексику и грамматику языка сивухцев оказывает аварский язык, через посредство которого сюда проникали и проникают многочисленные заимствования не только аварского, но также арабского, персидского и тюркского происхождения. В языке обнаруживается заметное количество и заимствованных в последние годы русизмов.

Литература:

1. Алексеев М. Е. Андийские языки (Языки мира. Кавказские языки). – М., 1999. – С.216-219.
2. Гаджимагомедов М. Анчих: история и родословие. Махачкала, 2006.
3. Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш. Каратинско-русский словарь. – Махачкала-Санкт-Петербург, 2001
4. Магомедбекова З. М. О контактах между аварским и андийскими языками // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
5. <http://www.odnoselchane.ru/>

Қайыпбаева А.

*Тіл және әдебиет теориясы кафедрасының доценті ф.ғ.к.,
Қазақстан Республикасы, Қостанай қ. А.Байтұрсынов атындағы ҚМУ*

**ҚАЗАҚ ЖӘНЕ ФРАНЦУЗ ТІЛДЕРІНДЕГІ
ЭМОЦИОНАЛДЫҚ БАҒАЛАУ ТҮРЛЕРІ**

Лингвистердің айтуынша, екі немесе бірнеше ұлт өкілдерінің қарым-қатынас жасау мәселелерін зерттейтін ізденіс жұмыстары төмендегідей принциптерге негізделген:

1. Әр ұлттың өзіне тән мәдениеті, өзара қарым-қатынас жасау жүйесі бар. Мәдениетаралық қарым-қатынасты зерттегенде ең бірінші тілдік және мәдени ерекшеліктер тудыратын коммуникативтік мәселелердің көзін анықтау керек. Бұлар, сөйлесу актілерінің жүзеге асуы, сөз кезегін сақтау ережелері, қарым-қатынас ережелері, алуан түрлі эмоцияның сезімнің тілде көрініс табуы, т.б.

2. Қарым-қатынас барысында мәдени өзгешеліктер әр түрлі ұлт өкілдерінің арасында түсінбеушілік тудыруы мүмкін. [1, 78]

Лингвистикалық біліктілік-сөйлеуші мен тыңдаушыға сөйлемдер құрып, өз ойын жеткізуге және сөйлемдерді түсінуге мүмкіндік беретін грамматикалық

(ibid. 2). By «organization», Sidnell (2010: 2) means «a set of practices» that every bit of talk deals with them to a certain extent. Including topics such as turn taking, preference, sequence organization, repair etc., these sets of practices usually operate simultaneously for the appearance of the end product i.e. talk. Therefore, CA is the study of talk by a systemically reflecting on the practices that are responsible for any talk to happen: «An analysis of some fragment of talk may require attention to turn- construction and design, the orientation an organization of the participant’s bodies and movements, the sequential location in which the talk occurs, the deployment of practices of repair and directed gaze, and so on.» (Sidnell, 2010: 267)

Among the fundamental ‘organizations’ of the conversation, the sequentiality will be stressed more than the others in this study. The nature of news interview context is the reason for this inclination. To start with, the sequentiality in a general sense means how utterances are considered organized and interconnected. The basic unit of talk is called Turn Constructional Unit (TCU). It refers to the stretch of talk-in-interaction where and when it is pragmatically, syntactically and prosodically considered complete by co-interactants. Once established complete, there comes a potential slot for the next TCU to start. The interval between the two TCU is called Transition Relevance Place (TRP). The meaning of the stretch of talk crucially relies on the sequential positioning of the bits of talk together i.e. TCUs and TRPs. They gave the possibility of projection to the interactants.

Back to the context in focus, it has been discussed that the modal of the news Interview is based on certain type of adjacency pairs i.e. questions and answers (Clayman and Heritage, 2010). The reason is that central to sequentiality in particular and crucial to CA in general, next-turn proof procedure is will be employed in this paper. This procedure in essence highlights the «recipient’s response» and serves as a «source of evidence for an analysis of the immediately prior turn» (Sidnell, 2013: 79). As such, although by the help of the syntax or prosody we could track down questions, this essentially still depends on the next turn i.e. how the recipient responds to the utterance.

The following example illustrates this basic tool in CA:

(2) L: Isn’t he nice?

G: yup, isn’t he a gentleman?

L: oh my god, I like him.

The next turn proof procedure helps us to analyze the L’s turn by the help of G’s turn and so on. To state an obvious, the line 2 answers to the line 1 and the line 3 answers to the line 2. But both answers are specially designed to meet the pragmatic values of the situation. To start with, G answers to the assessment with ‘yup’. But she goes on to contribute her own assessment too. By doing such action, we notice that he treats his ‘yup’ as an insufficient response to the assessment. Another observation is that the G does not agree with the level of assessment provided with L in the first line. G, obviously, upgrades the assessment by uttering ‘a gentleman’ in the second line. Also, note that the response of the G is not a statement, it is a question. What happens next is even more significant. In the line 3, L projects the TRP and starts his own turn; however, it doesn’t seem that he treats the G contribution as a question. L designs her turn in line 3 unrelated to the grammatical format of G’s TCU.

In this example, both question in the lines 2 and 3 are in a yes/no format but are not treated as ordinary yes/no question. Despite the grammatical structure, the first question does more than an inquiry; it invites an assessment. The resource for such conclusion is the way that G designs her turn. Thus, the G's turn serves as an analytical resource to understand how L's question actually works. Moreover, in the third line, L doesn't treat G's TCU as an ordinary question let alone yes/no question. Whether L dismisses or ignores the question depends on the existence of the extended stretch of talk. But so far, we get to know that the turns are related to each other reflexively and can be exploited to analyze the prior turn.

Among certain differences that the CA employs to study spoken language, its methodology to collect data is remarkable. The methodology has «remained remarkably consistent over the last forty years» in its core perspective though different projects or analysts might impose certain «methodological requirements» on it (Sidnell, 2010: 22). One unique characteristic of the CA's methodology is that it acts as an «aide-memoire» and provides us with the recorded data of the interaction (ibid. 35). Its data initially consist of the spoken utterances extracted from situations like telephone conversations. In recent years, it includes high quality video recordings of as well as audio recordings of an interaction of wide variety of contexts. In the current study, all the data have been transcribed in accordance with transcription convention that has been promoted by Gail Jefferson (2004) and had developed since.

The transcription aims to note every nuance in talk or somehow related to talk. It may be accompanied by a pattern of intonation. The process of transcribing might seem a complicated task but once done it provide us with wealthy amount of details and makes the conversation-analytic work more accessible.

For this means, I have used the software CLAN -Computerized Language ANalysis- for providing systematic representation of speech practices (Bernstein Ratner and Brundage, 2013). The CLAN has the simple and reliable user interface and the ability to integrate to the second software that I used for tracking the intonation contour i.e. PRAAT. The PRAAT is handy tool for speech analysis with the ability to construct the acoustic values of speech signals (Lieshout, 2003). However, the transcription, no matter how meticulously completed, should be viewed as a «representation» of the data (Hutchby and Wooffitt, 2008: 70). Making use of computer software here and in general is for handling the data easily and shouldn't be solely relied on and totally substituted for the actual video recording.

As its core principle, CA methodology entails that analysis should be inductive and not based on any theoretical framework (Hutchby and Wooffitt, 2008). This means that the analysis of the transcription of the data that will follow in the next chapter does not depend on any theoretical framework. Instead, the analysis will proceed in a bottom-up fashion relying on the participants' own understanding and perspective of the situation. However, some scholars like Seedhouse (2004) take a further step and claim that the CA is not allowed to take the contextual details into account. This indicates that the description of the mechanisms that participants make use of during talk should be free from the contextual properties. Nonetheless this is not the case in what follows in the analysis section of this paper. Rather, the analysis is connected to the tenets of contextual properties of news interview. The contextual properties of this kind have

ками образования, межнационального общения и делопроизводства для сивухцев являются аварский и русский, знание которых (начиная со школьной скамьи) достаточно распространено. На аварском же осуществляется и междиалектное общение. Сильное влияние на лексику и грамматику сивухского языка оказывает аварский язык, который является источником многочисленных заимствований. Кроме того, в сивухском говоре можно отметить значительное количество русизмов.

По своим типологическим признакам и структурным особенностям сивухский говор наиболее близок к каратинскому языку, который, в свою очередь, принадлежит к андийским языкам – ответвлению аваро-андо-цезской подгруппы нахско-дагестанской языковой семьи. По генетическому признаку андийские языки можно подразделить на следующие группы; а) андийский, ботлихский, годоберинский, б) ахвахский, каратинский, в) багвалинский, тиндинский, чамалинский.

Между каратинским языком и сивухским говором имеются существенные различия и в склонении, и в морфемной структуре, и в лексическом соответствии. Например, в сивухском говоре в одном слове встречается несколько флексий: *хуре* «поле» – *хури/ балъе* «из поля», *акибер* «колесо» – *акиберди* «колеса», *акиберия/ка* «на колесе», *акибер/ия кабалъе* «через колесо» и т.д.

Среди способов словообразования сивухского говора наиболее слабо изученным является образование сложных слов. В целом для пополнения языка используется имеющийся материал – готовые слова и различные служебные средства, чаще всего суффиксы. Новые слова образуются по образцу существующих в языке. Слова сивухского говора различны по своему строению. Одни состоят только из корня или из корня и окончания. Их можно назвать простыми. Другие содержат суффиксы, и при этом они тесно связаны по значению со словами того же корня, лишенными этих суффиксов. Это производные слова: *хъвайне* «лошадь» – *хъвайния ка* «на лошади», *хъвара* «писать» – *хъвадарухъан* «писатель».

Характерной фонетической особенностью в сивухском говоре в области консонантизма можно отметить общее для аваро-андо-цезских языков наличие латералов, достаточно регулярно встречающееся (особенно среди спирантов) противопоставление кратких и геминат и др. Синтаксис сивухского говора в общих чертах близок к общедагестанской модели, для которой характерно противопоставление абсолютной (номинативной) конструкции – непереходного предложения, эргативной конструкции – переходного и аффективной (дативной) конструкции предложения при глаголах чувственного восприятия с типичными порядком слов «субъект – объект – предикат», использование для построения полипредикативных конструкций (соответствующий русским сложноподчиненным предложениям) различным отглагольных форм – причастий, деепричастий, инфинитива, масдара – при относительной бедности подчинительных союзов.

Поскольку практически все говорящие на сивухском говоре свободно владеют аварским, в их лексике налицо его значительное влияние. В структуре (лексике и грамматике) языка ощущается влияние аварского. В сивухском говоре со-

они не так значительны, как между диалектом и языком. Благодаря говорам, диалектам и наречиям можно проследить эволюцию того или иного языка.

Многоязычие – исторически сложившаяся объективная реальность Дагестана и составляет одну из важнейших особенностей республики. У нас функционирует 14 письменных языков (включая русский, азербайджанский, чеченский, татский) и 18 бесписьменных языков.

В «Красную книгу языков народов России» занесены языки: агульский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский, кубачинский, рутульский, гиндинский, хваршинский, цахурский, цезский [1;3].

В Дагестане наблюдается постоянный процесс миграции населения с гор на равнину. Это касается и «больших», и «малых» народов. В этой ситуации с каждым годом сужаются функции дагестанских литературных языков, причем бесписьменные языки подвержены большему риску, так как вне своей исторической родины они не смогут выжить.

В кавказском языкознании существует вынужденное деление дагестанских языков на языки, наречия, диалекты, говоры. Многоязычие – исторически сложившаяся объективная реальность Дагестана. На относительно небольшой территории республики население, едва превышающее два миллиона, говорит более чем на тридцати языках. Из этих языков более двадцати являются бесписьменными, и число их носителей составляет от трехсот человек до нескольких тысяч. Без изучения и углубленного анализа диалектов и говором, являющихся основой литературного языка, нельзя считать завершенным и само изучение литературного языка.

Сивухский говор относится к каратинскому языку, который, в свою очередь, входит в состав аваро – андо – цезской группы языков. Он имеет два диалекта – собственно каратинский и тукитинский. Как и тукитинский, сивухский отличается от каратинского и фонетическими, и морфологическими, и лексическими особенностями. До сих пор нет единого мнения о происхождении говора сивухцев, но известно, что до II-й половины XI века Сивух располагался в Ахвахском районе. Из-за постоянных конфликтов с соседними селами сивухцы были изгнаны из родных мест. Часть поселилась в селении Рачаболда, некоторые обосновались в Гумбетовском районе, откуда часть жителей ушла в сторону Чечни и обосновалась в селении Курчалой. Таким образом, Сивух распался на три села (Сивух Гумбетовского района, Курчалой Чеченской республики и Рачаболда Ахвахского района) [2;18]. Примечательно, что тукитинский – одноаульный диалект, отличающийся от каратинского и фонетическими, и морфологическими, и лексическими особенностями. То же самое можно сказать и о языке сивухцев. Представители Каратинского и Ахвахского района без особых затруднений понимают речь друг друга.

До настоящего времени сивухский язык функционирует как разговорно-бытовой. На аварском и русском языках принято общаться вне пределов села. Язы-

been discussed by (Clayman and Heritage, 2002) in detail. They have argued in length how participants manage the inferential and sequential properties of interaction in the news interview context. Thus, while this paper remains faithful to the emic perspective of CA, the interpretation of the selected pieces of the interaction will be influenced or even supported by the properties of the news interview context.

During interaction turns are organized into sequences. Every social action comprises of unit of sequence organization that are called ‘adjacency pairs’ (Schegloff, 2007). The social actions happen orderly and the position of any sequence is a fundamental resource for understanding talk-in-interaction. This means that once one part of an action is performed, the other part is expected to take place in an orderly way. In the news interview, the IR performs (almost always) the questioning while expecting the IE’s response in return. Thus the IE is under the «normative obligation» by the constraint that question brings about (Stivers, 2013: 191). This kind of exchange i.e. questioning and answering is the prominent social action in the news interview context.

Literature:

1. Hutchby, I., & Wooffitt, R. (2008). *Conversation Analysis*. Cambridge: Polity Press.
2. Sidnell, J. (2010). *Conversation analysis : an introduction*. Oxford : Wiley – Blackwell.
3. Clayman, S., & Heritage, J. (2010). *Talk in Action : interactions, identities, and institutions*. Malaysia: John Wiley & Sons, Ltd., Publication.
4. Sidnell, J. (2013). *Basic Conversation Analytic Methods*. In J. Sidnell, & T. Stivers Sidnell J. And Stivers T. (Eds). (2013). *The Handbook of Conversation Analysis* (2nd ed) Oxford: Wiley – Blackwell.
5. Jefferson, G. (2004). *Glossary of transcript symbols with an Introduction*. In G. Lerner, *Conversation Analysis: Studies from the first generation*. Philadelphia: John Benjamins.
6. Bernstein Ratner, N., & Brundage, S. B. (2013-24-September). *A Clinician’s Complete Guide to CLAN and PRAAT*. Washington D.C. Retrieved 2013 unun 4-December from <http://childes.psy.cmu.edu/Clan/Clinician-CLAN.pdf>
7. Lieshout, P. Praat Short Tutorial. Toronto. Retrieved 2- 2013-December from http://www.stanford.edu/dept/linguistics/corpora/material/PRAAT_workshop_manual_v42.1.pdf
8. Clayman, S., & Heritage, J. (2002). *The News Interview; Journalists and Public Figures on the Air*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Schegloff, E. A. (2007). *Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Stivers, T. (2013). *Sequence Organization*. In *The Handbook of Conversation Analysis* J.Sidnell, & T. Stivers (Eds)(2nd ed.), 191-209, Oxford: Wiley – Blackwell.

К.ф.н. Шингарева М.Ю., магистрант Сарабекова Ж.М.
Региональный социально-инновационный университет

PLAY WITH FIGURES OF SPEECH

If compared to the types of language-play based primarily on the repetition of formally defined elements (such as rhyme or alliteration – to be taken up later), the category to be discussed here is much more pun-like because of the fact that meaning and pragmatics are strongly involved. In my opinion, it serves well as a kind of transition from the previous chapter on puns to more distinct types of non-punning language-play.

What the examples included have in common is that well-established expressions or ways of expressing something, or expressions normally connected to a particular type of situation or context, are used or interpreted in such a way that the implications and connotations that they carry are brought to the fore by being unexpectedly overthrown. In the process, the expression itself is left unchanged (cf. the next section or e.g. some of the paronymic puns for examples where an expression is changed), and it is another character's interpretation of it, or the context in a broad sense, that turns its occurrence into language-play.

I found it impossible to come up with a concise label for the present category, even though it partly overlaps with what e.g. Grassegger treats under «the literal interpretation of idiomatic expressions» (1985:58ff). In fact, play with idioms is given some attention in studies on wordplay (cf. e.g. Veisbergs 1997), and this is also true of other types of relatively fixed expressions (e.g. Leppihalme 1996), especially when the original wording has been altered. I, too, have treated several such cases as e.g. paronymic puns. However, the expressions taken up here have not undergone any formal changes (such as additions or certain elements being substituted for others), and only some of the examples involve what would generally be counted as true idioms. Where that is the case, the idioms in question have retained so much of their metaphorical nature that the original imagery would have been evoked even in non-playful language use.

Now, consider the sequence from **Antz** that first prompted my suspicion that establishing a separate category for this kind of playful language use might be called for:

In *Insectopia*, some insects enjoy a mild summer evening, sitting together and talking. A beetle nibbles on a bit of 'food'.

Beetle: This stuff tastes like crap.

Fly: Really ? Let me try some. (tastes) Hey, it is crap. Not bad.

I think the humour of this sequence is primarily derived from the extra-linguistic circumstance that a creature which otherwise behaves very much like a human being should like to consume 'crap'. The important point here, however, is the fact that an often used, if informal, way of describing an unpleasant culinary experience (**tastes like crap**) turns out to be much truer than is normally the case. To exploit this standard

Discussed material teaches the importance of deep study in any artistic discourse or text saying of its communicative orientation, and, in particular, the organization of the narrative. In addition, the analysis made it possible to identify the four most common in the modern world literature strategy: appeal to the reader (listener) and established dialog, a straight, simple lines of statements, tendency to clarifying the previously said and tendency to emotion. These strategies are implemented in the text by selecting the appropriate language resources.

References

1. Lotman Y.M. (1970), *The Structure of the Artistic Text*, Moscow.
2. Sokolov S. (2001), *School for Fools*, Saint Petersburg.
3. Glad D. (1991), *Conversations in Exile*, Moscow.

Далгатов И.Х.

Дагестанский государственный педагогический университет, Россия

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СИВУХСКОГО ГОВОРА КАРАТИНСКОГО ЯЗЫКА

В современном общественном развитии можно отметить тенденцию к полному исчезновению некоторых из языков, в связи с чем растет понимание значения самосохранения национальных культур и языков, культурного наследия как важнейшего достояния каждого народа и государства.

Без изучения и углубленного анализа диалектов и говоров, являющихся основой литературного языка, нельзя считать завершенным и само изучение литературного языка. Согласно структурно – генетическому критерию, диалекты происходят из одного и того же языка, имеют общий генезис и одинаковую фонетическую, грамматическую и лексическую структуру. Наречие считается самым крупным подразделением языка, объединяющим группы говоров и диалектов, имеющих определенные общие черты. Как правило, наречия носят названия территорий и, в отличие от говоров и диалектов, распространены на достаточно крупных участках. Говор представляет собой своеобразную разновидность диалекта и является наименьшей языковой единицей. Грамматически говор не отличается от основного языка или диалекта, и эти различия в основном носят фонетический характер. Могут быть и некоторые расхождения лексического характера, однако

three epigraphs, premised the novel, is an extract from this source and the style reminiscent of «weaving of words»: «Then Saul, who is also called Paul, filled with the Holy Spirit, looked intently at him, said ...». The second epigraph to the novel is a group of verbs exceptions, «rhythmically organized for easy memorization», «Chasing, hold, run, hurt, hear, see and twirl, and breathe, and hate, and depend on, and endure.» It is connected with a hard life of pupil of a special school, the «excluded» from the usual society. As for the third epigraph: «The same name! The same look! «, this phrase, as indicated in the epigraph, taken from a short story by Edgar Allan Poe «William Wilson» in which the hero pursued his double. When the hero finally managed to kill the twin, it turned out that he killed himself. It is interesting that in the Vladimir Nabokov story «Horror» shows a similar situation that requires special study in connection with the problem of reflection in the writer.

Lotman wrote that it was the peculiarity of the sender is most valuable as a text message. Thus, the speech stream of consciousness beginning writer often has the character of the mythological perception of the world to limit the generality of the surroundings: «How was it called? The river was called», And how was called the station? – I can not see from a distance. The station is called», «Came those who came» and others. The word «tickets» comes through the river Leta, also arises about Land of the Lonely Nightjar, gentle bird Nightingale, etc. Disappeared as a result of some kind of metamorphosis «student» like a ghost, does not leave any traces even in the sand of the river Leta (!), which can be crossed in that and in other directions. Interestingly, in an interview with American journalist John Glad [3] Sasha Sokolov spoke about his concept «disinterest narrative element,» citing the fact that life itself plotless and literature – «is not about that».

Before the final of the «School for Fools» takes place the conversation between the author and the narrator, several times accentuates the communicative nature of the text: «Apparently, our story is nearing its end, and the time to decide what the titles we will put on the cover» [2, p. 256]. The book's title is given by the narrator, by analogy with the «School for the piano,» «School for the barracuda,» moreover, «Nymphaea said that you can only write about it, because only about it and should be written ...» (author's irony concerning the writer's rapture is obvious). However, the ubiquitous enemy of lie in all its forms, Saul Petrovich had already sold a skeleton as testament, «in installments», to the pro shop, where «**real** (highlighted by the author of the article) skeletons are much more expensive than artificial» [2, p.257].

This action evokes the narrator excited flood of memories about «knowledge-hungry, bold truth-seekers, Saul's and his principles and statements heirs». Despite internal disagreements, «pupil» and his «alter ego» Nymphaeum and author, whistling «silly songs» together go to the «street with thousands of feet» and «magically» transformed into passersby. So once again built up «extra-textual art-life text», which, according to Lotman, mutually exclusive options are implemented at the same time both in terms of the speaker, and from the point of view of the hero.

expression in the way shown must be counted as language-play. In my opinion, it does not represent a pun, though, because we are really only dealing with just one meaning here, namely that of something tasting like crap.

Of course, it might be argued that a person claiming that something tastes like crap, say a meal served in prison or a culinary experiment gone awry, really wants to convey nothing more than that the foodstuff in question tastes bad. Many comparisons such as **tastes like crap** are not literally true. Frequently, as in the present case, exaggeration is involved, and both the speaker and the addressee know that the other one knows this, which is exactly why it is so striking when, for once, the picture evoked by the choice of words is actually accurate.

Some analysts might consider the literal interpretation of a figure of speech as a kind of pun. I would argue that there is a difference, however, because we are not really dealing with separate meanings here, or polysemy of the kind exploited in puns, but with implications or implicatures. What is implied by **tastes like crap** is that it 'tastes as bad as crap', which may or may not be true (who would dare to claim expertise in this matter?), and the language-play is thus not based on a clash of incongruous meanings, but on the fact that what every competent language user must perceive to be a figure of speech represents an accurate description on every level.

Consider another example, which perhaps illustrates the difference more clearly between puns on the one hand and plays with certain established ways of expressing something on the other. I particularly enjoyed it due to the way it transcends the boundaries of the fictional narrative in **The Adventures of Rocky and Bullwinkle** and becomes a meta-comment on the realities of film-making:

A police officer, played by the actor John Goodman, arrests Karen, among other reasons for «impersonating FBI agent Karen Sympathy». When it is pointed out to him that Karen actually **is** the agent in question, he dismisses this with the words:

Yeah, and I'm really John Goodman.

We are dealing not so much with a metaphor or a simile in this case, and not really with exaggeration either, but rather with irony or sarcasm. Declaring oneself to be a well-known or powerful person is a common way of demonstrating that another speaker's claims about him- or herself have not been believed. Now, even though the point may be driven home more effectively by choosing for this purpose an imaginary figure such as Santa Claus or a historical one such as the Emperor of China, a well-known living actor, including John Goodman, will generally also do the trick. Consequently, whenever a person claims to be John Goodman, it can be assumed that this is meant to imply that the claim is as untrue as anything the addressee may have said immediately before. The more striking the effect, therefore, when it actually is John Goodman who answers in this way, negating the implications that anybody familiar with this kind of expression must have taken for granted. While the police officer implies that both Karen's claims and his own are nonsense, both are actually correct, if on different levels of reality.

I think it would be stretching the concept of polysemy too far if it were claimed that **John Goodman** carries the meaning of both 'the actor by that name', and, as if in contrast to this first meaning, 'a celebrity of the kind the speaker is not'. For this reason, I reject the otherwise not entirely inconceivable alternative of including this example among the polysemic puns, just as I reject it with the example based on **tastes like crap**.

As an illustration of a different way of playing with standard expressions without necessarily creating puns, consider the following excerpt from **Inspector Gadget**, where the expressions have been transferred from their habitual semantic field of sports to a quite unrelated one:

The villain Scolex has been forced to abandon his helicopter and is coming down on a parachute. The Gadgetmobile pulls under him, all the time commenting on its own actions as if the whole event were part of a baseball game, and eventually catches Scolex in a cage on the back seat.

Gadgetmobile: Ladies and gentlemen, Scolex is out and that is the game!

Final score: Gadgetmobile one, Scolex zippo. And the fans rush the field. (police cars surround the Gadgetmobile) No autographs, please. [...]

Apparently, catching criminals is more of a sport than a regular job to the Gadgetmobile, and it shows this by employing lexemes and expressions that are normally only used in connection with large spectator sports such as baseball. In this case, too, it would be misleading to speak of multiple meanings that are simultaneously evoked in expressions such as **that is the game**, **final score** and **the fans rush the field**. The speaker simply engages in a game of make-believe that involves a reinterpretation of the actual events with the help of playful language use.

As a curiosity, I can also briefly mention that a play with an established expression need not depend on any actually audible or visible words at all. In **Chicken Run**, which is part of my corpus, there is a scene where a spanner (a wrench) gets caught among the cogwheels of a large machine and causes it to stop and break down. It is of course no coincidence that the item responsible for this event should be that particular kind of tool: it offers a literal interpretation of the idiomatic expression **a spanner (a wrench) in the works**. The result is a rather clear polysemic pun.

Literature:

1. Grassegger, Hans. 1985. Sprachspiel und Übersetzung: eine Studie anhand der Comic- Serie Asterix. Tübingen: Stauffenburg.

notion of time: «We have with it, with time, some confusion, confusion – all is not as good as it could be. Our calendars are too arbitrary, and numbers, which have written there, don't mean anything like counterfeit money ... Also I would like to say that each person has their own special, unlike to other's the calendar of life...»[2, p. 37-38].

The narrator seeks absolute freedom, freely treating the time, denying it the opportunity to influence the events of his own life according to the will of the author: «... recently (this minute, soon), I floated (float, I'll float) down the big river on a boat. Until that, (then) many times I've been (will be) there and I'm familiar with the surroundings. It was (it is, it will be) a very good weather ...»[2, p. 39].

Habitual perception of time as a reality is insufficient for implicit author. It is known that time flows not only at the time of the events, but when all has already happened. Past in the S.Sokolov's novel constantly continues and continue to occur after an event has already occurred. Not by chance in the title of the novel featured a musical term «school» – in such way called collections of Studies for young musicians («for fools»). From the «music» of different character's «life calendars» composed some action, in which music, layering of word is more important remember the Mandelstam: «We were the music in the ice ...»). In addition, in the Russian culture image of Ivan the Fool is not clear: as it known, he became smarter than everyone else ...

Mental disorder of narrator, a boy with a forked consciousness, who is a student of the school for mentally retarded children, is motivated by the narrative technique of the novel. The hero is a teenage boy who believes that he has a twin, sometimes does not distinguish illusion, own dream from reality. The pupil of the school as well as Nabokov's hero loves butterflies and cycling («because the bike – it is always good in any weather, at any age»), but unlike him is not able to distinguish the incidents in terms of their significance in view of the split personality and some «selective memory». He seemed to live in the paintings which scrolls on the screen of consciousness. He is fall love with his teacher of botany Veta Arkadieвна, the subject of hopeless boyish passion. His beloved tutor, Paul (also known as Saul) Petrovich Norvegov, also fall in love with pupil Rosa Vetrova, who studies at the same special school. In the mind of the hero Veta Arkadieвна Akatova easily converted into a «branch of acacia», then in the railway line on which trains go from the city to the country. Roza Vetrov same miraculously transformed into the geography teacher Norvegov's professional symbol, the favorite student, and exposer of liars and falsehood. In the structure of the story is still possible to identify a number of sites – the love of the hero to the teacher and the associated with internal experiences and episodes (imaginary courtship to her); split hero after he tore a river lily «nymphaea Alba» (nymphaea now becomes the name of his «other himself» and acts as an opponent in relation to the Veta Arkadieвна); history of dismissal «by magic» and teacher Norvegov's a very strange death, talked about it to his disciples, who came to visit him in the country.

At the same time he appears as a postman Mikheev (he is also Medvedev) Sender Wind, immortal prophet Saul, who is also Paul of «Acts of the Apostles.» One of the

Candidate of Philological Sciences Sarsekeeva Natalya K.
Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

COMMUNICATIVE ASPECTS OF INTERPRETATION OF ARTISTIC TEXT

Global changes occurring in the world today, show that education is determined by many countries as a priority direction of social and economic development, the means of maintaining competitiveness and leading position in the global markets. Conditions for the existence of mankind in the XXI century urgently demand the transition to a strategy of development of society on the basis of dynamically updating knowledge and high-performance technologies, including rapidly developed communication strategies in philosophy, culture and other humanities. In view of the foregoing, we note that today there is paid special attention to the formation of communicative culture of the future specialist-philologist, teacher of language and literature. It is known that anthropometric model of language description, which has become one of the major achievements of the whole philological science of the twentieth century, is intended to increase attention to all manifestations of the activity of the text's author, which owns the role of organizing and synthesizing the beginning of all types described reality.

As part of this work is very important to be submitted as the leading global semiotic thought belonging Y.M. Lotman idea of the text as a «meaning-device» and types of intertextual communication, «artistic behavior» addressee perceiving the text [1, p.84].

The object of our attention is the activity of the implicit author, increasingly manifested in the works of contemporary world literature providing the opportunity for different reading the main story situations. It does not matter which one offers the reader versions or variants takes place in reality («extra-textual» reality «). Implicit author is interested not so much what is happening, but how it happens, and what the consequences for the further development of the plot conflicts has an occasion.

In this article the object of attention is the novel contemporary Russian emigre writer **Sasha Sokolov** «A School for Fools». It was the first novel of S.Sokolov published in the USA (1975) after his departure abroad. S.Sokolov's prose is the novels «Between Dog and Wolf» (1979) and «Palisander» (1985) became known for publication in the foreign publishing house and Russian readers could read them only during the adjustment period.

«School for Fools» is characterized by very complex narrative structure: in the novel sound different voices of the narrator – «student» and his counterpart, of his (their) mother, of the teacher Paul Norvegov, also called Saul, of implicitly «impersonal» author, as well as many random characters (neighbor in the queue, train dispatchers etc.). In a short time to accommodate as much as possible situations, the author gives to the narrator power that allows him to subdue a period of time: the last moves freely from the future to the past and back again. The narrator characterizes the usual

К.ф.н. Шингарева М.Ю., магистрант Тазабекова С.М.
Региональный социально-инновационный университет

HALLIDAY'S APPROACH TO DISCOURSE ANALYSIS

Three-part classification of language functions was proposed by Halliday (1966, 1967, 1968, 1970, 1973; Kress. 1976). He specifies three essential functions defined as follows: (a) Textual—the construction of situationally relevant connected stretches of discourse; (b) Interpersonal—the expression and regulation of social roles; and (c) Ideational—the development of referential meaning. At the linguistic level of clauses and sentences, these functions are linked to structural components of a specific theory of grammar. Although Halliday was interested primarily in analyzing the linguistic options for constructing clauses, he and Hasan also applied his model to the problem of cohesion in texts, that is, to the ways in which sentences are connected together (Halliday & Hasan, 1976). I shall be extending the model still further in an attempt to analyze the stretches of discourse constructed by two speakers.

Halliday's approach has a number of advantages as a point of departure. First, the model is comprehensive and includes aspects of language that are usually separated and studied in isolation from each other as, for example, in work using the more traditional and well-known classification of semantics, syntax, and pragmatics as different domains of linguistic theory. Distinctions between a theory of grammar and a theory of meaning, between structure and content, and between linguistic competence and linguistic performance are familiar contrasting pairs in the latter approach. Since Halliday's theory of grammar is addressed to the description and analysis of «language in use,» his model provides a place for all of these aspects of language and directs our attention to the ways in which they are both differentiated from and related to each other.

Second, Halliday views language as a system of options with expressed language representing choices made by speakers among various sets and networks of available features. Serious attention is given to the significance of the choices made that are represented in the text itself. This is in accord with an interest in the function and significance of systematically different choices by different speakers, such as I have found in analyses of the talk of physicians and patients:

In extending and applying Halliday's model, I will examine separately the ways in which the three functions are expressed and carried by particular features of discourse. Emphasis will be placed on differences between the types of interviews discussed earlier, those dominated by the voice of medicine and those in which the voice of the lifeworld receives more attention and achieves relatively greater prominence. The central question will be: What are the characteristics of such discourse and how do they differ from the «standard» medical interview? I will first analyze the Textual function, that is, the ways in which continuity and cohesion of discourse is maintained in different ways in the two different types of interviews.

Second, I will turn to the Interpersonal function and the forms of relationship between physicians and patients as speakers. Finally, I will examine issues of references and meaning, Halliday's Ideational function, and particularly the problem of the transformation of meaning.

For Halliday and Hasan (1976), cohesion refers to ways in which sentences are connected to each other that allow readers (or hearers) to recognize a stretch of language as text rather than nontext. They specify and elaborate subvariants of five types of cohesion. Four are grammatical: reference, substitution, ellipsis, and conjunction; and the fifth is lexical. Each instance of a cohesive connection is referred to as a «tie.» For example, the use of a pronoun in a second sentence, standing for a noun or noun phrase in a first sentence, is a tie by substitution; an unexpanded answer to a Yes/No question is a tie by ellipsis in that the subject- predicate clause of the question is presupposed in the answer.

Although the «texts» in this study are transcripts of recorded exchanges between speakers, as compared to the written texts examined by Halliday and Hasan, the various types of cohesive ties are abundantly evident. The use of ellipsis in patient responses is mnipresent, as in the following example;

D Have you ever had rheumatism bone disease or syphilis?

P No.

Ties through reference are also prominent:

P Wel:l when I eat something wrong.

D How- How soon after you eat it.

Halliday and Hasan's framework may be used heuristically to develop an approach to the study of cohesion in discourses constructed by two speakers. Nonetheless, a significant difference between their work and the problems of cohesion in natural discourse must be recognized. Their data consists of intuitively- understood examples of connected discourse; they either construct hypothetical examples to display a particular type of cohesion or select written passages that they «know» to be cohesive. A core assumption, that they do not reflectively examine or analyze, is that we as readers/hearers can recognize cohesive texts and distinguish them from noncohesive lists of sentences. This is similar to the assumption, in other theories of grammar, that the «gram- maticality» of a sentence is intuitively understood by native speakers; Halliday and Hasan have simply extrapolated this assumption to the level of discourse. The central task they pursued is the description and specification of various types of «ties» that are present in texts already known to be cohesive.

We face a different problem; the «cohesiveness» of discourse cannot be assumed but must be discovered. I have already demonstrated a lack of cohesion in medical interviews in the sense that meanings are not shared. The voices of the lifeworld and of medicine represent different provinces of meaning and different structures of logic, cognition, and relevance. Yet, as I have noted before, the interview continues and physicians and patients find ways to speak together despite the gap between them. The specific aim of this chapter is to discover how a discourse is developed and maintained that achieves some degree of

«audibility» and understanding between the contending voices, and, therefore, to specify particular mechanisms of cohesion for such a discourse.

Although cohesion was not a central topic in earlier analyses, several features of medical interviews were described that appear to serve the function of constructing a cohesive «text.» These provide a preliminary list of discourse-cohesion processes.

First, there is the basic three-part structural unit of the standard medical interview: physician question-patient response-physician question. As was discussed earlier, this unit functions in two ways. Each exchange has a cohesive unity that comes from the demand quality of questions, the adjacency pair structure of questions and answers, and the second physician question that is a specific instance of the questioner's «right to the floor.» Second, by linking one exchange cycle with another, the physician's second question ties the separate exchanges together to form the extended discourse of the full interview.

While the form of these statements as questions and responses provides structural cohesion, the type of question asked and the topics of inquiry produce another type of cohesion, that of reference or meaning. Halliday and Hasan distinguish between cohesion through structure and cohesion through «register,» respectively, they are the linguistic and extralinguistic contexts of relevance that ground the meaning of each sentence and relate sentences meaningfully to each other (1976). The particular register of medical interviews is expressed in the overwhelming tendency of physicians to ask response-constraining questions of the Yes/ No or restricted Wh- type and to follow a logic of inquiry based on the biomedical model. As I showed earlier, this emphasizes abstract, objective, and decontextualized features of patients' problems; this emphasis provides the recognizable quality of the standard register of medical interviews.

Finally, there is the cohesion produced by the dominance of the medical voice. Disruptions or breakdowns in the basic structure or deviations from medically appropriate topics are corrected or repaired so that the cohesion of the interview is maintained on the basis of the single register of the voice of medicine. These are particularly interesting devices since they appear on the surface of the discourse as examples of a lack of cohesion, yet cohesion in meaning is maintained at a deeper level. Among the various ways in which this cohesion of dominant register is maintained are the following: (a) lack of explicit acknowledgement of patients' responses, particularly to aspects of the response falling outside the boundaries of the biomedical model; (b) lack of explicit transitional terms or phrases by physicians to introduce their next questions, again particularly evident when patients have introduced non-medically relevant content; and (c) physicians' interruptions of patients' statements, usually with a return to their own line of questioning as a way of indicating the relevance or nonrelevance of certain topics and contents.

Literature:

1. Halliday, M. A. K., and Ruqaiya Hasan. 1976. Cohesion in English. London: Longman.